
ОГОНЁК
№ 27 ИЮЛЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Дано... Осталось доказать.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 27 (1984)

4 ИЮЛЯ 1965

СЧАСТЬЕ ТРУДНЫХ ДОРОГ

Последний раз в последний класс.

ИЮНЬСКИЙ РЕПОРТАЖ

Николай БЫКОВ
Фото Р. ЛИХАЧ.

Где мои семнадцать лет...

В городском небе размашистыми кругами скользят чайки. За «Гастрономом» и еще немного дальше, через дорогу,— Москва-река. Чайки с реки. Круг за кругом над Мневниками. Тысячами окон смотрит, не мигая, город на высокое солнце. Самая окраина столицы, белокаменное и зеленое продолжение старой Красной Пресни. Голубой высокий полдень. Июнь. Цветут липы, облетают метельные тополя — вьется за прохожими теплая поземка. Июнь. В этом месяце дети чуть старше шестнадцати лет уходят из школы. Навсегда. Мальчики, девочки, которые в общем-то уже и не мальчики и не девочки, и никакие не дети. И теперь уж не смогут объяснить родители проступок или неудачу своего чада тем, что «ребенок переутомился», что «ребенок нервный»...

Мамы, отбой! Вчера сдан последний экзамен, сегодня — вручение аттестатов и танцы до утра. Мамы, отбой! Кончились все ваши волнения, кончились ваши бессонные ночи и тревожные взгляды: «Ну, как, деточка? Не волнуйся, а то я волнуюсь...»

Соседки ставят кошелки, разводят руками, смотрят вслед и не узнают вчерашних школьниц:

— Боже, а похудела-то, похудела как!..

— На десять кило! — стремительно оборачивается девушка.

— Ах, бедняжка! — успевает как-то особенно восхищенно воскликнуть тетя.

— Чесслово десять! — доносится подтверждение.

— Такая жара... каторга!.. Отоспишься, счастливая...— бормочет соседка, поднимая кошелку.

Чайки в городском небе. Скользят над школьным двором. Через дорогу над обрывом Москва-река.

Таких школ, как 108-я Краснопресненского района столицы, много в Москве — сотни. Таких ребят, как выпускники четырех одиннадцатых классов этой школы, в стране тысячи и тысячи.

На берегу далекой реки Меги, среди приобской тайги, я встретил Женю Пышненко. Кричали чайки. Он смотрел на июньский разлив, на танкер с первой тюменской нефтью и рассказывал о себе:

— Еще два экзамена — и прощай, школа! Видели нашу самодеятельность? Мы «Русалку» поставили! Я электрик, работаю и учусь. Батя и матушка тоже в экспедиции... Я писал сочинение на тему «Вечно будет ленинское сердце клокотать у партии в груди». Написал. Теперь

попытаюсь в индустриальный институт. Буду инженером-химиком нефтеперерабатывающей промышленности. А не поступлю, так не пропаду: профессия есть. Только инженером все равно буду!.. А какая она, Москва?.. У нас охота замечательная. И заработки ничего себе. Книг можно много купить и в путешествия ездить. Вы из самой-самой Москвы?..

Я слушал Женю Пышненко, слушал поколение сорок седьмого — уже сорок седьмого! — года рождения. Крепкий, стройный паренек с серьезными глазами, с твердыми ладонями. Я вспомнил о нем, когда говорил с пареньком из московской школы № 108. Под крутым обрывом плавилась голубая Москва-река. Шла баржа с песком. Кричали чайки. Женя — другой Женя, московский, комсорг Миронов,— рассказывал:

— Чем труднее, тем интереснее. У нас тема на выпускном была, ну в самую точку — «Романтика наших дней в современной советской литературе». Я вспомнил Твардовского: «Я и рожден на свет для жизни — не для статьи передовой». По-моему, жить для жизни, для дела — самое важное, самое главное! Вы как думаете?

Самое главное!.. Они, наше новое поколение, уже поняли его, самое главное. Это заставляет относиться к ним, и к Жене с Меги и к Жене с Москвы-реки, очень серьезно. Мальчиков научила школа разбираться во многом, различать подчас трудно различимые правду и ложь, научила уважать физический труд и книгу, научила работать, но и мечтать об институте. Романтики? Конечно, но какие-то очень уж современные. Алые паруса и нефтеналивные баржи для них почти одно и то же. Чем труднее, тем интереснее. Женя Миронов и его одноклассники не один год работали на весьма серьезном предприятии. Вместе с аттестатом зрелости им вручили свидетельства о присвоении рабочей квалификации: одним — машиниста компрессорных установок, другим — монтажника, третьим–воспитателя детей дошкольного возраста. Это уже серьезно. И тот же Миронов написал в экзаменационном сочинении: «Студенты, ну, конечно, романтики!.. А разве не влекут к себе глухая мякоть чернозема и степи без края?»

Ребята из 108-й очень любят стихи. Учителя говорят: поэзия и математика — на них помешалась молодежь. Учителя говорят: поветрие! Так ли? Мода ли? Нет, только не мода, только не «ветрянка» совершеннолетних. Эпоха такая. Прощаясь со школой, с детством, один из выпускников, признаваясь в любви к современности — миру гигантских строек и точных математических расчетов, вспомнил любимого поэта:

Хотелось так же яростно ворваться,
Как в ярость, в жизнь, раскрывши ярость
крыл...
Мир был прекрасен. Надо было драться
За то, чтоб он еще прекрасней был!

Это звучит как программа действий, как клятва вышедших из школы ребят. С точки зрения юношества, это очень логично: красота формул и красота живого, единое чувство ответственности за деталь, выточенную из болванки, за комсомольское поручение и за весь тебя окружающий мир. Романтика поиска и переработки таежной нефти, — им по душе именно такая романтика во плоти!

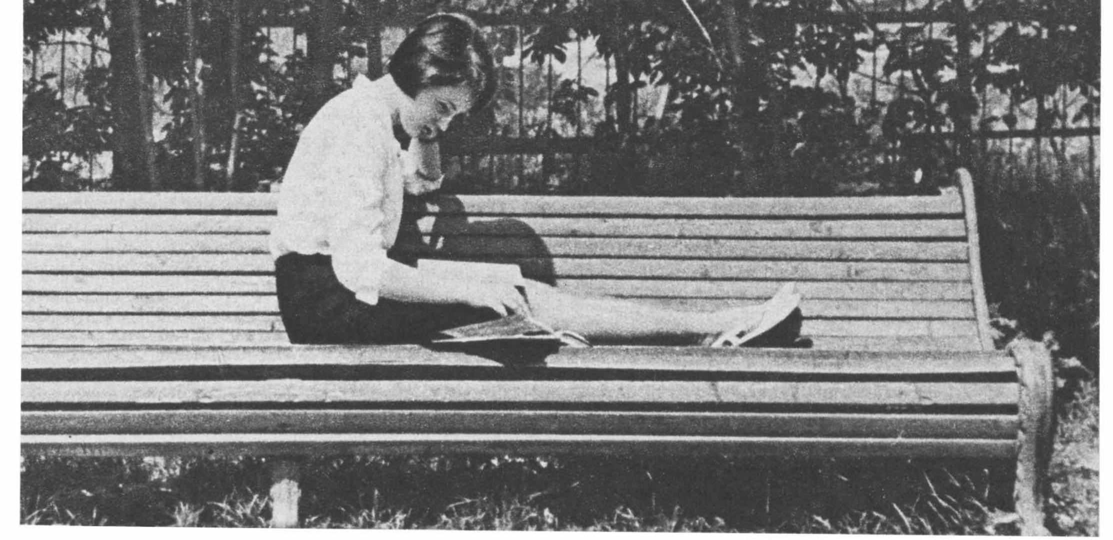
Мне кажется, самое интересное сочинение то, в котором юноша или девушка подводит итог прожитому, в котором выражено самостоятельное отношение к действительности, есть какой-то загляд в себя. Все равно, пишется ли сочинение о лирике Лермонтова, о «лишних людях» или на так называемую свободную тему. Ибо нет темы свободной от гражданственности, от самооценки себя как гражданина своей страны. Не случайно Евгений Рябсв спрашивал: «А мы смогли бы так, как Тюленин, Кошевой, Громова? Не знаю. Наверное, смогли бы... Время идет, происходит переоценка ценностей, но Павка Корчагин и молодогвардейцы навсегда останутся яркими факелами...»

Этот человек вышел за порог школы с ясным пониманием того, что за его плечами стоят поколения, сделавшие все, чтобы он был вот таким, чтобы он шел дальше, продолжая начатое старшими. Такому не кажется, что революционное — это значит прошлое, что война давно была, что «то отцы, а то мы». Да, время идет, но переоценка ценностей только подтверждает, что есть нечто святое и высокое, которое не нуждается ни в каких временных «ценниках». Это завоевания революции.

На выпускном вечере играл свой оркестр — чужих дядей, играющих за пол-литра «На сопках Маньчжурии», не звали. Хоть и сбивчиво, но страстно играли свое: «Главное, ребята, сердцем не стареть...» Они любят возиться, громко и, со стороны кажется, не к месту расхохотаться, любят мяч и лыжи, тайно и открыто курят, обожают непонятные танцы. Они — это они, которым только что исполнилось семнадцать, восемнадцать. Это отнюдь не старички в джинсах,— ничто юношеское им не чуждо.

Но молодо теперь уже не всегда зелено. И мне кажется, в этом примета времени, черта незаметно подросших мальчиков и девочек. Находили желание, время и умение быть пионервожатыми Надя Павлова и Лена Щербина. При домоуправлении ЖЭК № 13 девочки организовали детский сад, Светлана Тюкина и другие находили желание и время развлекать и обихаживать малышей со своего двора. Витя Соколовский уже хлебнул ветра дальних дорог: побывал в экспедиции ученых-биологов. Володя Дворкин плавает за сборную СССР. Когда его спросили: «У тебя какой разряд?»,— то Володя чуть покраснел и опустил глаза: «Я мастер спорта...» А Миша Шишляев — лыжник, он вошел в юношескую сборную страны. Таня Сидорова — с головой в математике, в физике. Многие прекрасно знают музыку, сами играют, не пропускали серьезных концертов Таня Кедрова, Женя Рябов, Галя Соколова. Можно назвать поименно каждого, а можно никого не называть, потому что они очень разные и в то же время очень похожи все и друг на друга, и на своих сверстников из Мегиона, из Обнинска, из Братска, из сотен городов и сел нашей страны. Их всех одинаково остро волнует вопрос: «А мы смогли бы?..» Они все одинаково смешно говорят: «Раньше, когда я был моложе...»

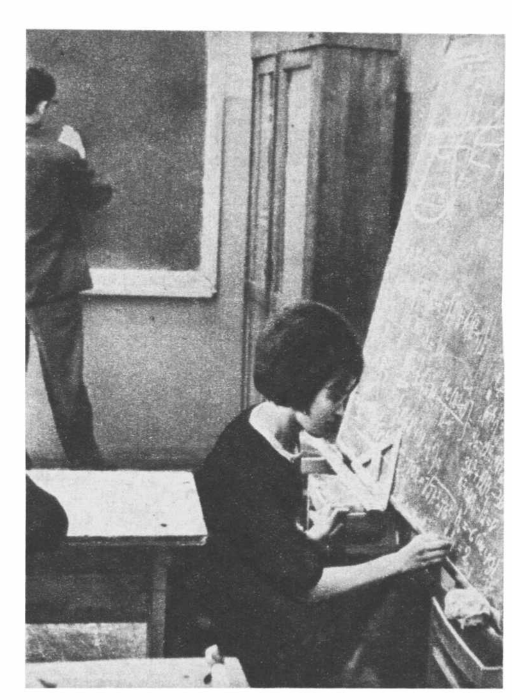
Я не читал экзаменационного сочинения электромонтера Жени Пышненко из поселка нефтяников Мегион, Тюменской области, но думаю, что в нем оставила след его заветная мечта о Москве, о заводе, где он будет перерабатывать нефть. Но вот что написал его тезка, москвич Рябов: «Прочитаешь заметку из какого-нибудь Альметьевска (добыто столько-то тонн нефти, темпы бурения возрастают) и хо-

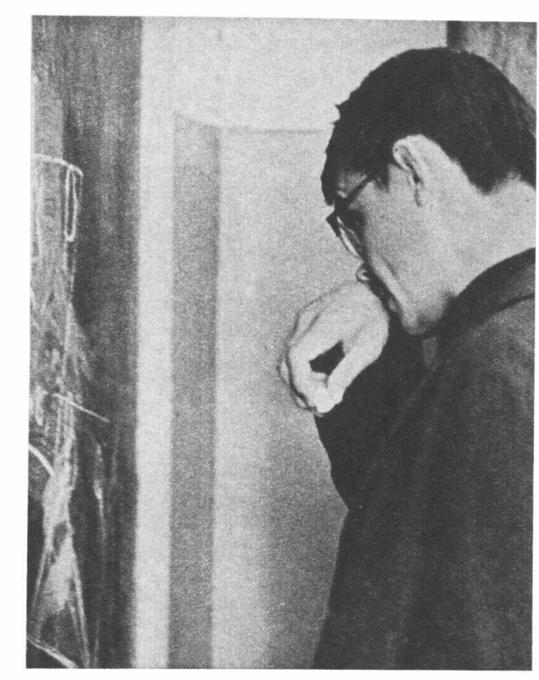
Накануне.

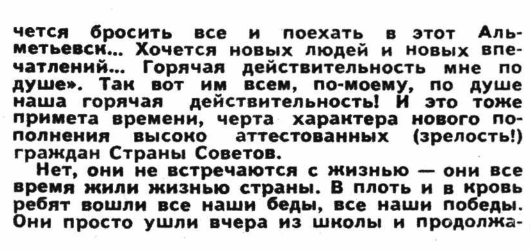
Болельщик.

Доски мало...

Гена Шипилов.

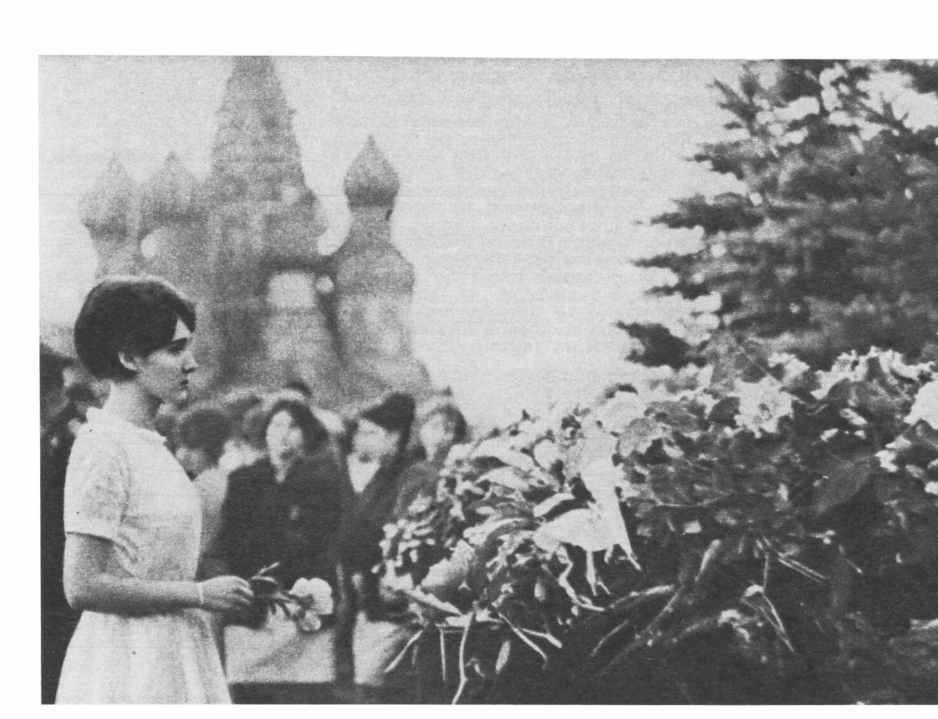
Ира Иванова. Золотая медаль.

Мальчики стараются.

А город спит...

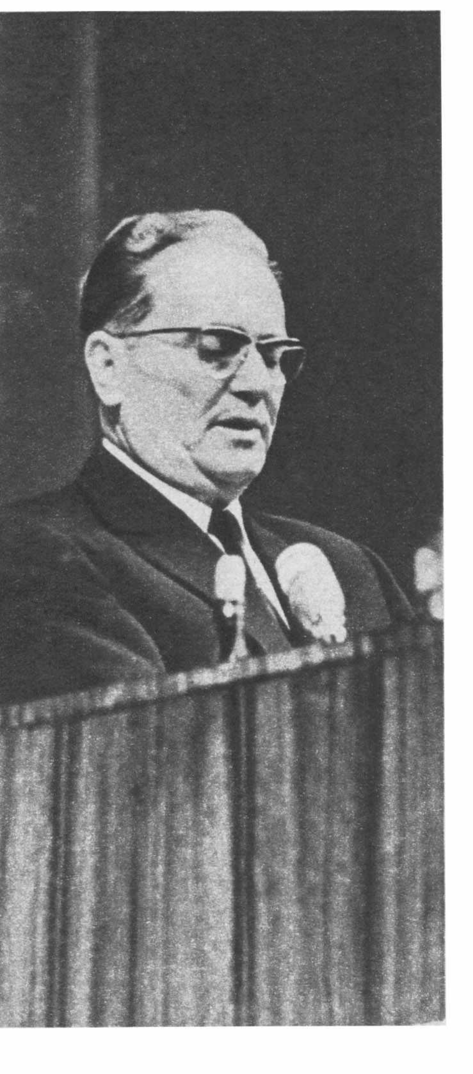
К Ленину.

чется бросить все и поехать в этот Альметьевск... Хочется новых людей и новых впечатлений... Горячая действительность мне по душе». Так вот им всем, по-моему, по душе наша горячая действительность! И это тоже примета времени, черта характера нового пополнения высоко аттестованных (зрелость!) граждан Страны Советов.

Нет, они не встречаются с жизнью — они все время жили жизнью страны. В плоть и в кровь ребят вошли все наши беды, все наши победы. Они просто ушли вчера из школы и продолжают жить вместе со страной. Им открылись новые пути. Многие уже выбрали дорогу дальше. Пусть выберут все! И в Москве, и в воронежском селе Лосеве, и в таежном поселке Сургут... Вышли на дорогу грамотные, веселые, сильные парни и девушки с твердыми ладонями, с быстрыми ногами и ясными, доверчивыми глазами. Они помнят главные формулы и главные стихи. Так их научила школа. Та самая, в которой навсегда для них отзвенел последний звонок. На пороге которой стояли вчера последний раз. Был последний танец последнего школьного бала. Был рассвет нового дня. Высоко над головой скользили птицы. Голуби, грачи, чайки. Птицы кричали что-то громкое и очень утреннее. Гудел пароход. То ли на Москве-реке, то ли на Оби, то ли в бухте Золотой Рог... Они вдруг поутихли. Может быть, прощались со школой, а может быть, повторяли про себя: «Здравствуй, день!» Медь оркестра наставляла:

«Главное, ребята, сердцем не стареть!..»

— Здравствуй, день, новая работа,— говорит юность. И Родина смотрит в глаза.

Флаги Советского Союза и Социалистической Федеративной Республики Югославии развевались недавно в Белоруссии, на Урале, в Сибири — там, где побывал большой друг нашей страны товарищ Иосип Броз Тито.

Югославские друзья посетили Минский тракторный завод, были гостями «Уралмаша». Сердечно встречали Президента СФРЮ энергетики Братска, трудящиеся Иркутска и Омска.

На снимках: Митинг советско-югославской дружбы в Кремлевском Дворце съездов. Выступает Президент СФРЮ, Генеральный секретарь Союза коммунистов Югославии Иосип Броз Тито.

Фото А. Пахомова

15 лет назад американский империализм развязал на корейской земле преступную кровавую войну с целью порабощения этой страны. Героический корейский народ выстоял и нанес сильнейшее поражение интервентам. Но Вашингтон не отказался от планов использования Южной Кореи в агрессивных целях. Вот уже 12 лет держит он здесь свои войска, вооружает дивизии марионетки Пак Чжон Хи, препятствует мирному объединению страны.

Народ Кореи ведет упорную борьбу за светлое будущее своей родины. Советские люди всем сердцем симпатизируют этой борьбе. Сейчас в Советском Союзе проводится месячник солидарности с борьбой корейского народа за вывод американских войск из Южной Кореи и объединение страны на демократических началах.

САМОЕ ГЛАВНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Виталий ЛАТОВ,
обозреватель радио

В той стороне горизонта, над которой висела огромная оранжевая луна, возник легкий, как комариное жужжание, звук. Я взглянул на часы: стрелки шли к полуночи — времени, когда с островов Окинава и Хонсю в Корею прилетали американские «сверхкрепости» Б-29. Был август 1951 года — первый месяц операции «Стрэнг» (план уничтожения американскими бомбардировщиками 78 корейских городов). На фронте янки топтались на линии 38-й параллели. «Стрэнгом» генерал Марк Кларк надеялся сломать фронт. День за днем при луне и при солнце «шутинг-стары», «мустанги», «суперфортрессы» бомбили, бомбили...

Прерывистые стоны воздушной тревоги застали меня на склоне древней горы Моранбон, возвышающейся над Пхеньяном. «Гора цветов» в этот жаркий день была единственным местом в городе, где можно было отдохнуть от зноя раскаленных пхеньянских руин. В водах реки Тэдонган отражались ели, обелиски, островерхие беседки, служившие в средние века наблюдательными башнями Пхеньянской крепости. В одной из таких беседок — в павильоне Ленкванден — мы встретились в этот вечер с артисткой оперного театра Ким Чом Сун. Разговор шел о дорогах, которые привели ее в искусство. Как и все жительницы корейского юга, она была худощавая, очень смуглая. Педагоги сулили этой двадцати-

14 августа 1951 года. Квартал Синианри после американской бомбежки. У преподавательницы Ким Син Не погибли муж и сын...

Новый Пхеньян вырос на месте развалин. Это Большой театр столицы.

ЛЮБИМЕЦ НАШИХ РЕБЯТ

Обычно людям к дню рождения преподносят подарки. Сами именинники и юбиляры подарков, как правило, не дарят.

Лев Кассиль нарушил эту традицию: накануне своего шестидесятилетия он преподнес миллионам юных читателей новую повесть «Будьте готовы, ваше высочество», озаренную высокими идеями интернационализма, и первую книгу пятитомного собрания сочинений, в которую вошли знаменитые «Кондуит и Швамбрания» и «Вратарь республики».

Это большое счастье для писателя, когда герои его произведений, перешагнув страницы книг, уходят далеко в жизнь, множа с каждым днем ряды своих друзей и единомышленников. Так было с гайдаровским Тимуром. Родившись на страницах повести, он стал другом и вожаком наших ребят. Их верными, закадычными товарищами давно уже стали и герои кассилевских книг: «Дорогие мои мальчишки», «Черемыш — брат героя», «Великое противостояние», «Ранний восход», «Улица младшего сына» (в соавторстве с М. Поляновским).

«Сто тысяч» раз уже упоминались в статьях знаменитые ребячьи «сто тысяч почему». Но они, эти бесконечные «почему», действительно существуют как выражение неуемной детской любознательности. И на многие из них отвечает упрямым «почемучкам» книга Л. Кассиля

«Про жизнь совсем хорошую». Она представляет собой интересный опыт публицистики, адресованной школьникам. Ясным и доходчивым языком, в форме, доступной юным читателям, писатель рассказывает о рождении великой теории научного коммунизма и о том, как теория эта завладела умами прогрессивного человечества. Книга будоражит мечту ребенка, его фантазию, раскрывает перед детьми светлый мир нашего будущего.

Недавно я был в Чехословакии, Венгрии, Польше и Германской Демократической Республике. Я беседовал с ребятами о тех произведениях советских детских писателей, которые им более всего по душе. Такие беседы возникали не раз и не два. И всегда среди самых любимых советских книг чешские, венгерские, польские и немецкие пионеры называли произведения Льва Кассиля.

А когда я на читательской конференции в Норильске сказал пареньку, что лично знаком с Кассилем, он мне сперва не поверил, а потом сказал: «Счастливый вы!..»

Да, Лев Кассиль давно уж стал любимцем наших дорогих мальчишек и девчонок, подлинным кумиром их сердец. И это самая большая награда за все то хорошее и доброе, что совершил писатель во имя наших детей!..

Анатолий **АЛЕКСИН**

НАЧИНАЕТСЯ ФЕСТИВАЛЬ

Перед открытием IV Международного кинофестиваля в Москве вспыхнула эпидемия кинематографической лихорадки. Даже убежденные сторонники домашних туфель и телевизоров загорелись идеей получить абонементы на просмотр кинофильмов. Конечно, все стремятся в Кремлевский Дворец съездов: ведь там проходит конкурс художественных фильмов. Но даже этот огромнейший кинозал не может вместить десятой доли желающих. Фестиваль идет еще в «Ударнике», «Космосе», «России», Лужниках. Директор кинотеатра «Россия» говорил, что уже задолго до открытия продано свыше ста тысяч билетов!

А сколько хлопот у устроителей фестиваля! Пришлось расширить специальное хранилище на «Мосфильме». Туда прямо с аэродрома привозят коробки с кинолентами. В этом году в фестивале принимают участие 53 страны и 2 организации — ООН и ЮНЕСКО; последние представляют документальные ленты. Фильмы продолжают прибывать. Большой приз Московского фестиваля стал желанным и значимым для всех кинематографистов мира.

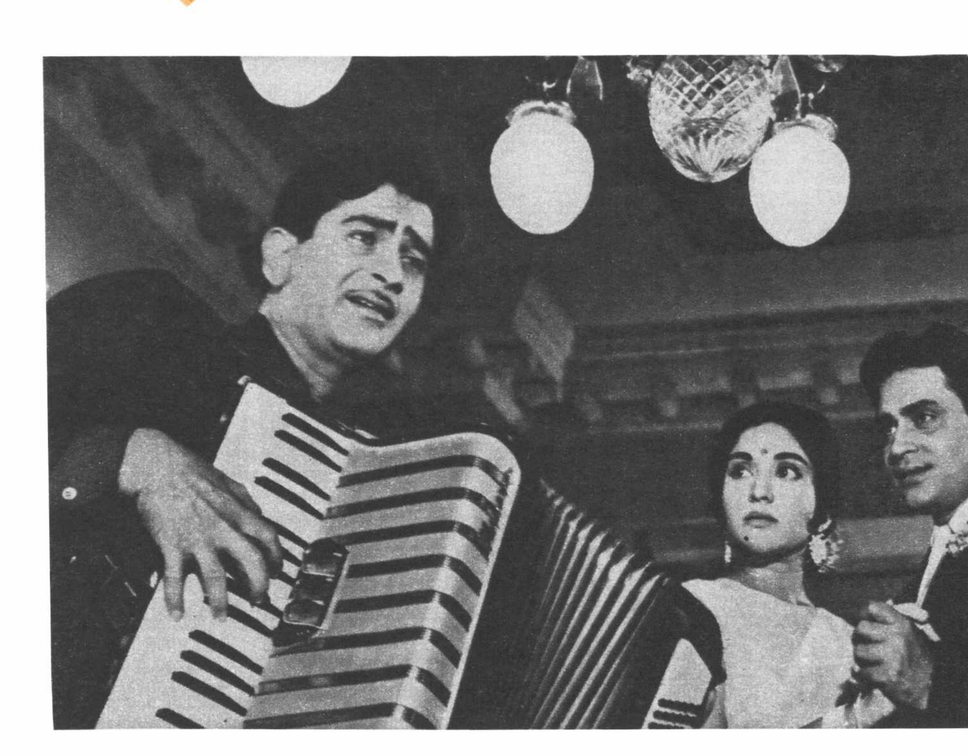
У газетных киоскеров тоже горячая пора: ведь здесь можно купить фотографии кинозвезд. Марина Влади, Ким Новак, Радж Капур, Робер Оссейн, Моника Витти — идея познакомиться с ними в Москве и получить автограф завладела поклонниками кино.

Фестиваль еще не начался, но ему уже предсказывают успех. Ив Чампи, знакомый москвичам по фильму о докторе Зорге, на этот раз привез фильм «Небо над головой». Он считает, что московский фестиваль «не простая ярмарка, где приз может получить тот, у кого больше средств на рекламу. Здесь открываются возможности для соревнования в творческом плане».

Польская актриса Беата Тышкевич побывала уже не раз в Москве, она вспоминает: «Я необычайно хорошо себя чувствую. Мне хочется петь, смеяться, шутить... Необычайно приятно чувствовать себя в атмосфере искренней симпатии, дружбы».

Фестиваль начинается. Успеха ему!

Радж Капур в фильме «Сангам».

летней обладательнице красивого сопрано большую будущность.

Родилась Чом Сун в Сеуле, в семье архитектора. Дома ее окружало искусство, книги, звуки корейских гуслей «кэмунко», на которых по вечерам играл ее отец. «Мое детство,— сказала Чом Сун,— прошло под бряцание сабель японских самураев, оккупировавших Корею».

В августе 1945 года советские солдаты выгнали этих поработителей из северной части страны. А на юге получилось так, что место японцев заняли американцы.

— А потом случилось самое ужасное: янки начали войну против наших братьев на севере...

При этих словах голос девушки словно надломился. Я с тревогой взглянул на нее. Глаза Ким были широко раскрыты. Она неподвижно смотрела на левый берег реки, где в свете луны особенно зловещими казались сейчас развалины школ, больниц, фабрик — следы американских бомбежек...

— Теперь со словом «Америка» в моей памяти связано все самое ужасное...— продолжала Чом Сун.— В прошлом году 15 декабря ночью в дом нашей соседки Ким Ин Су ворвались трое американцев. Молодая Ли нянчила своего малышку. Янки вырвали из ее рук ребенка, бросили его на пол и изнасиловали несчастную женщину. На следующий день они ворвались в дом старой Ким, сломали двери, накинулись на 12-летнюю Де Вон. Старушку, которая попыталась помешать насилию, жестоко избили рукоятками пистолетов. И так в Сеуле было каждую ночь...

— В американизированном Сеуле мы много говорили о корейском Пхеньяне,— сказала Ким Чом Сун.— Мы мечтали взглянуть хотя бы краешком глаза на новую жизнь, которую строили на севере наши братья и сестры. Я хотела быть артисткой. Но в Сеуле, при американцах, это означало стать девкой в кабаре, развлечением для американской солдатни. И тогда я ушла в Пхеньян. Отец мне сказал на прощание: «Я стар и не могу быть с тобой. А ты иди, будущее страны на севере, где народ — хозяин своей жизни». В Пхеньяне меня приняли в театр оперы и балета. У меня большие творческие планы.

— О чем вы мечтаете, чего бы вы хотели от будущего?

Ответ мне не удалось расслышать: гул «суперфортрессов» становился все явственнее. Они шли на город. Мелькнула мысль: «Сейчас они сбросят бомбы...» И они сбросили. На той стороне реки над берегом взметнулись фонтаны огня. Земля застонала.

— Я уже много месяцев живу под гул американских самолетов,— проговорила Ким Чом Сун.

Когда бомбардировщики улетели, ветер донес с того берега Тэдонгана стоны раненых.

Ким Чом Сун встала.

— Вы просили меня сказать, чего я жду от будущего? Я хочу стать хорошей артисткой. Но самое большое мое желание, чтобы американцы убрались с земли моей родины, и чем скорее — тем лучше.

Наутро Ким Чом Сун уехала с концертной бригадой на фронт. Она любила эти поездки к защитникам Родины. А когда мир был завоеван народом Кореи, Ким пела в опере «Чунхян», в «Молодой гвардии» Ю. Мейтуса, в национальной опере «Кхончи и Пхачи» — талант певицы развернулся. Но самое главное ее желание — чтобы американцы убрались с корейской земли, все еще не осуществилось. Но сомнений нет, оно сбудется. Этого хочет весь народ Кореи!

Гарбер Мозес защищает дипломную работу — проект гидроузла на реке Сева.

Университет дал им звания магистров.

В ДОБРЫЙ ЧАС!

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

В 1960 году у них все было в первый раз: первые шаги по московским улицам и первый снег, первая ушанка и первая русская книга. Остались за плечами пять московских лет и зим. Двести двадцать восемь выпускников Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы прощаются со студенческой скамьей, с советской столицей, с друзьями.

— У вас много друзей здесь? — спросили мы у Амелии Брито и Дониса Пабло Коутина с Кубы.

— Каждый советский человек — наш друг,— ответили они.— И мы очень горды этой дружбой.

Так мог бы сказать каждый из двухсот двадцати восьми.

Москва дала Амелии и Донису профессию: они сделались геологами. И она подарила им счастье: здесь они стали мужем и женой. В их семье родился москвич, на Кубе его будут звать Пабло, а для московских приятелей Амелии и Дониса он останется Павликом.

Двести двадцать восемь дипломов, которые были защищены в эти дни в стенах Университета дружбы, были первыми шагами выпускников в жизни. Темы дипломных работ не абстрактные тезисы, а разработка конкретных проблем, связанных с жизнью их стран. Гарбер Мозес из Сьерра-Леоне, окончивший инженерный факультет, разработал проект гидроузла на реке Сева, одной из крупных рек его родины. Материал он собирал на месте.

— У нас хорошее настроение,— говорит Мозес.— Те знания, которые мы получили здесь, могут быть с пользой отданы родине. Москва научила нас самостоятельно мыслить и самостоятельно работать. У нас хорошее настроение, только грустно расставаться с Москвой. Но где бы мы ни были, наша дружба с ней будет крепнуть.

Цейлонец защищал дипломную работу о чае, индонезиец — о морском транспорте, мексиканка — о положении индейцев в Южной Америке. Тема дипломной работы малийца Мамаду Кейта — «Международно-правовые основы национализации иностранной монополистической собственности».

— С глубоким сожалением я уезжаю из Москвы,— говорит он.— Слова моей благодарности — советскому народу, Советскому правительству. Мы получили здесь знания для того, чтобы бороться за счастье своих стран, за освобождение угнетенных народов от империализма и колониализма.

29 июня в Кремлевском Дворце съездов Москва прощалась с первыми выпускниками Университета дружбы. Москва пожелала им успехов в работе на благо своих стран. В добрый час, друзья!

На ваше место сюда придут новые студенты, Москва протянет им руку и скажет: «Добро пожаловать!» Она даст им знания и научит их дружбе и солидарности.

А. СЕРБИН

Расставаясь, пели «Подмосковные вечера».

Беседа с ректором университета С. В. Румянцевым.

Амелия Брито будет открывать природные богатства Кубы.

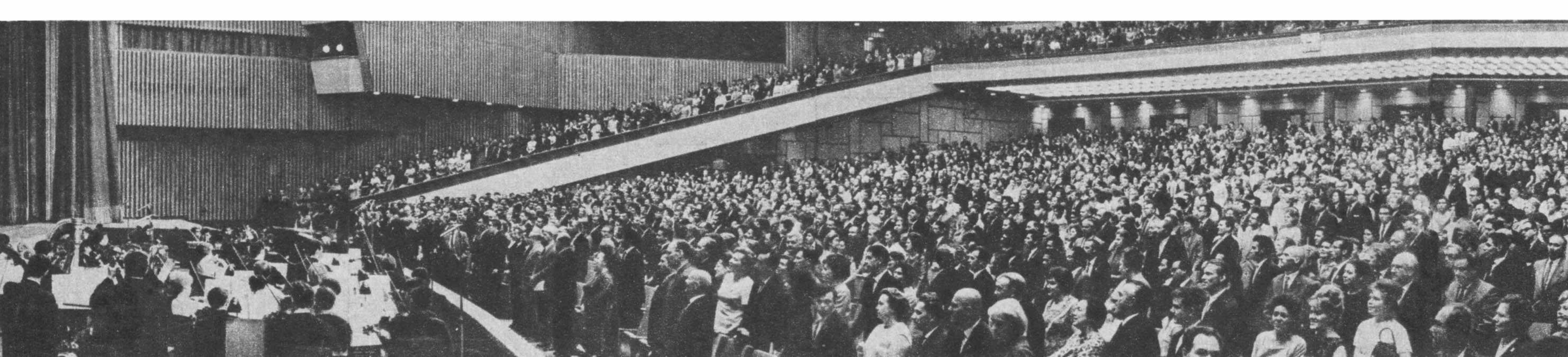
За одним столом — Уругвай, Аргентина, Гаити.

Теперь Вячеслав Иванов (СССР) — инженер.

На прощальном вечере во Дворце съездов. Русская пляска с африканским темпераментом.

НА КРАСНОЗНАМЕННОМ СЕВЕРНОМ...

В далеком Заполярье, на Краснознаменном Северном флоте, в частях у моряков побывали композитор А. Пахмутова и поэты С. Гребенников и Н. Добронравов.

Вместе с подводниками Пахмутова и ее друзья опускались на субмарине в зеленую пучину. Там подводники пели полюбившиеся им песни.

А потом — причал, твердая земля и встречи, встречи, встречи...

Вл. МАТВЕЕВ

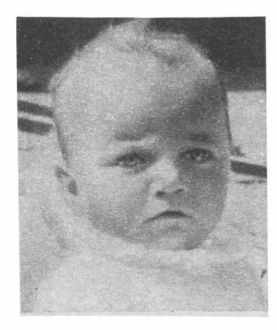
Краснознаменный Северный флот.

На снимке: А. Пахмутова среди моряков-подводников.

Фото В. Михеева.

Виктор ищет своего спасителя

Шел май 1945 года. Через город Бела проходили русские солдаты. Один из них, Виктор Степанович Смолин, принес в детский дом ребенка, найденного где-то в пути. Мальчику было не более семи месяцев, и он выглядел очень истощенным. По имени спасителя его назвали Витей, а фамилию дали Рус. Виктор Степанович несколько раз звонил, справлялся о своем найденыше, пока не убедился, что мальчик выживет.

Через некоторое время Витю усыновила семья Черны, в которой уже росло четверо детей. Все было бы хорошо, но война подорвала здоровье мальчика, и врачи признали у него тяжелый порок сердца. Только в семнадцать лет стало возможным сделать ему операцию.

Сейчас Виктор совершенно здоров, успешно закончил учение и работает в городе Либерец.

Семья Черны часто вспоминает спасителя своего приемного сына. Вите тоже очень хочется больше узнать о Викторе Степановиче.

Может быть, прочтя эту заметку, знакомые или однополчане Смолина что-либо сообщат нам о его судьбе?

Наш адрес: «Наступ», газета РК КПЧ гор. Ческа-Липа, Северочешская область, ЧССР.

БЕССМЕРТНАЯ

Это было на Курской дуге. К вечеру после длительного марша батальон капитана Зайцева завязал бой за хутор Бобошки. Накануне полк получил пополнение, и в первом батальоне появилось много необстрелянных бойцов. Дважды поднятый в атаку, батальон оба раза не смог продвинуться до намеченного рубежа.

Наступила ночь. Слышались стоны раненых. Санинструктор Зоя Бессмертная старалась вытаскивать их с поля как можно тише: немцы стреляли на звук. С рассветом враг стал контратаковать позиции батальона. После одной из отбитых контратак по цепи бойцов передали «боевой листок» с фамилиями отличившихся. Пятой в списке была старшина Бессмертная.

— Возьми,— протянул командир листок.— Память будет.

Зоя спрятала листок в карман гимнастерки.

Приказ об отходе передали часов в одиннадцать. Батальон стал отходить за небольшую рощу. И тогда Зоя решила проверить еще раз, не остался ли кто из раненых на поле. В это время противник усилил пулеметный огонь, и вскоре кто-то из бойцов, приползший оттуда, принес горестную весть: «Осталась лежать там, с нашими... Убита...»

Хотя немалые потери понес батальон в тот день, но смерть Зои потрясла всех.

Через несколько дней хутор был освобожден. Местные жители показали засыпанную воронку, где закопали советских бойцов, погибших в бою. Однополчане Зои поставили на том месте деревянный обелиск со звездой, дали прощальный залп.

Узнав о гибели боевой подруги, артиллеристы писали на снарядах: «За Зою». Командование представило Бессмертную к ордену. Через несколько дней в армейской газете появилась небольшая заметка «Коммунистка Зоя Бессмертная», где описывалась гибель бесстрашного санинструктора.

А через несколько месяцев на фронт пришло письмо от... Зои.

...Очнувшись, она увидела человека в немецкой солдатской форме без погон. Это был немец, пленный, сам родом из Поволжья.

— Вы офицер? — спросил немец.

— Нет,— ответила Зоя.— Я старшина...

— Впрочем, это все равно. Вас должны расстрелять... Хотели забрать сразу, сейчас... Но врач отстоял. Хороший врач. Он вам сделал операцию и сказал, что потом...

Говорили, что врач — его звали Лука Семенович — не смог уйти с нашими частями при отступлении. За время оккупации многих спас от верной смерти. И сейчас в больнице среди гражданских лиц лежало немало раненых военнопленных, таких же, как Зоя...

Вскоре пришли наши. После многих дней езды в санитарном поезде Зоя очутилась в Ашхабаде, в Институте восстановительной хирургии. В гипсе она пробыла почти год и летом 1944 года вернулась в родной Донбасс.

С фронта летели письма воскресшей Зое. В одном из них была газетная вырезка о ее гибели. А в январе 1945 года в областном военкомате ей вручили орден Отечественной войны и медаль «За оборону Кавказа».

Как только Зоя начала самостоятельно ходить, она пришла в ту же транспортную больницу, где работала до войны. И вот уже семнадцать лет Зоя Григорьевна — медицинская сестра инфекционного отделения. За это время к боевым наградам прибавилась еще одна — медаль «За трудовое отличие».

Иногда ее спрашивают: «Зоя, скажи, как ты вынесла все, каким чудом выжила?» Она только смеется и отвечает: «Я же Бессмертная».

В. БРАТКОВ

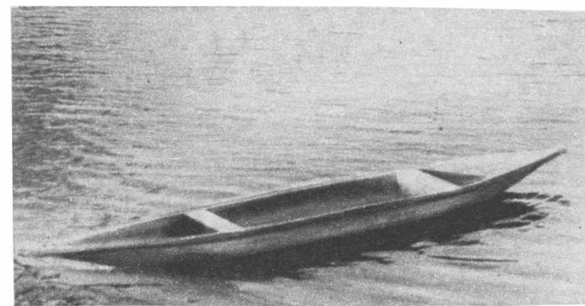
Дебальцево, Донецкая область.

ЧЕРТОВИЦКИЕ ЧЕЛНОКИ

Туристы с удивлением смотрят на странную лодку, появившуюся на середине реки. Длинный и острый нос приподнят над водой, корма, похожая на нос, сильно погружена. Гребец обращен лицом вперед, в руках у него одно короткое весло. Бесшумный гребок — и лодка плавно и быстро скользит по воде, оставляя едва заметный, расходящийся веером след.

Как попала в Воронежские края эта странная лодка? Может быть, какой-нибудь фантазер под впечатлением приключенческих романов или фильмов решил сделать индейскую пирогу? И никому невдомек, что это не пирога, а замечательный чертовицкий челнок, чудесное творение народных умельцев.

Делали челноки в селе Чертовицком, расположенном в двадцати пяти километрах от города Воронежа. Некогда в Чертовицком были целые династии лодочных мастеров, и секрет мастерства передавался из поколения в поколение.

У челнока отличная ходкость, и многим кажется, что зависит она от легкости лодки. В действительности челнок довольно тяжел: нос, корма и перебуты у него дубовые, а средняя часть, «корыто», делается из толстых сосновых досок. Ходкость челнока зависит не от легкости, а от характера обводов, секрет которых был известен только чертовицким мастерам. Осадка лодки неглубокая, и она может преодолевать любые мели. Челнок очень про-

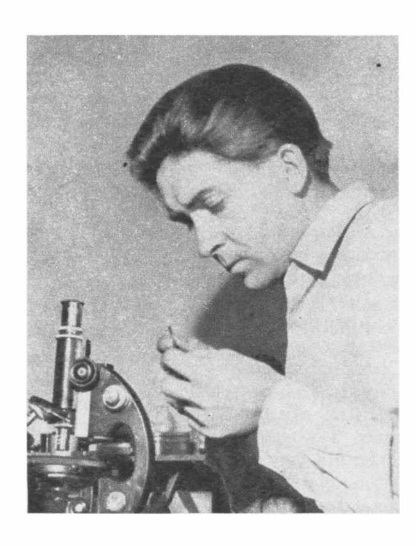

Зоя Бессмертная.

РАССКАЗЫВАЮТ...

АТЕЛИ

ЗАКАРПАТСКИЙ „ЛЕВША"

С помощью самодельных инструментов — крохотных резцов, изготовленных из лезвия опасной бритвы, иглы, бархатного, почти невидимого напильничка и, конечно, микроскопа — Николай Сядристый создает самые малые в мире микроминиатюры. В отверстие, высверленное в маковом зерне, ему удалось вставить выгравированный на цветном стекле силуэт Мичурина. В скорлупе зернышка проса ужгородский волшебник разместил шахматную доску из перламутра с 64 черными и белыми клеточками, тремя ладьями, пешкой и слоном...

Не чурается Сядристый и сложной современной техники, которую он умеет воспроизводить опять-таки в микроскопических масштабах. Из пятнадцати деталей он смастерил мотор в 250 раз меньше спичечной головки. Для невооруженного глаза это почти незаметная пылинка.

Могут спросить: «Для чего человек занимается всем этим?»

А вот вспомните доктора Федорова, который возвращает зрение слепым людям, вставляя в глаз искусственный хрусталик. Сколько труда и времени потратил ученый, прежде чем нашел человека, сумевшего сделать прессформу для изготовления хрусталиков из пластмассы! Если бы об этом знал Сядристый! Или возьмите электронную промышленность, кибернетику. Чем меньше будут детали, тем компактнее будут эти машины.

Что еще сказать о Сядристом? Он агроном, любит свою агрономическую науку, бесконечные дороги, колхозные поля.

С. ЖУРАВЛЕВ

Ужгород.

НЕ ЮБИЛЕЙНОЕ

Двадцать лет работает на Свердловской киностудии Мира Федоровна Петкевич. Ее мастерство художника-гримера «испытали на себе» И. Переверзев и С. Чекан, И. Кмит, А. Толбузин и М. Кузнецов и десятки других артистов кино.

Профессия эта требует всегда творческого поиска, ведь успех актера в очень большой степени зависит и от выбора грима и от того, как сделан этот грим.

Это не «юбилейное» слово. Хотелось просто сказать о хорошем, талантливом человеке.

Б. ЗЕЛИЧЕНКО

г. Свердловск.

В поисках образа — Надежда Румянцева и М. Ф. Петкевич.

Солдату было десять...

Однажды ночью я отлучился с передовой в свой тыл и увидел у повара необыкновенного помощника — мальчика лет десяти. Худой, грязный, в изорванной одежде, он помогал растапливать кухню. Мальчик солидно отрекомендовался: «Лапа Иван Иванович».

Через два дня немцы не выдержали нашего натиска, стали отходить. Я вновь встретил Ваню, он обратился ко мне с просьбой взять его на передовую: «Стрелять я умею».

Так у меня появился новый солдат, смекалистый и расторопный посыльный, неутомимый помощник старшины, любимец разведчиков Иван Лапа. Он шагал по дорогам войны, разделяя радость и горечь взрослых солдат.

Уже за рубежами Родины, на чужой земле, солдаты подобрали Ване лошадку и седло, и он с великим удовольствием разъезжал по позициям. В Югославии был такой случай. Мы преследовали немцев, когда неожиданно появился самолет — разведчик противника. Ваня галопом поскакал в сторону, к скирде соломы. Вдруг он повернул коня и, забыв опасность, помчался ко мне: «Там, в соломе, торчат ноги! В сапогах!» Вскоре разведчики вытащили из соломы трех немцев с оружием и радиостанцией. Командир полка наградил солдата Лапу медалью «За отвагу».

Войну мы закончили в Австрии. В конце февраля 1946 года я демобилизовался, вместе со мной поехал к матери в Котельву и Иван Иванович Лапа.

С тех пор мы друг о друге ничего не знаем. Интересно, как у него сложилась жизнь?

П. ШУСТОВ,
секретарь крайкома профсоюза металлургов

г. Красноярск.

Слева направо: разведчик сержант Ф. Семыкин, командир батареи старший лейтенант П. И. Шустов, И. Лапа.

чен, и ему не страшны удары о подводные камни и бревна. Эти лодки хороши и на глубоких спокойных плесах и на стремительных перекатах.

Почему же на реке осталось так мало этих ладных и удобных лодок? Одна из причин та, что о челноках знали на сравнительно небольшой территории. Лодки делали чертовицкие мастера по заказам воронежских рыболовов и жителей сел, расположенных по рекам Воронеж и Усмань. Не стало заказчиков — исчезли и лодочные мастера. Догнивают старые чертовицкие челноки, и все реже и реже встречаются они на реке.

Но нельзя допустить, чтобы исчезли эти замечательные лодки.

Надо создать в Чертовицком предприятие, выпускающее лодки. Еще можно найти и изучить челноки работы старых мастеров. В Чертовицком остался один потомственный лодочный мастер — Иван Гаврилович Иванов. О нем писал В. Песков в очерке «Баллада о топоре». Думается, что Иван Гаврилович не откажется принять участие в восстановлении былой славы чертовицких лодочных мастеров.

Центральный совет Союза спортивных обществ и организаций СССР и прежде всего федерации туризма, спортивного рыболовства и гребного спорта, общественность, воронежские областные организации должны принять меры к возрождению в Чертовицком старинного народного промысла. И пусть по рекам нашей необъятной страны вновь поплывут славные чертовицкие челноки.

В. ШУЛЬКИН, врач

г. Воронеж.

ГОРОД НАД ОБЛ

С. МИКОЯН

Где восходит солнце

На востоке от столицы Боливии расположен гигантский горный хребет с вечными снегами, по утрам розовеющими от солнечных лучей. Индейцы дали этим горам имя Илимани, что означает «где восходит солнце». Вокруг — величественная панорама угрюмых скал и белоснежных вершин Анд. Где-то внизу, в ущельях, стелется пелена облаков. Для того, чтобы совершить посадку в аэропорту Ла-Паса, вовсе не надо пробивать облачность. Это самый высокогорный в мире аэропорт самой высокогорной в мире столицы.

Четыре с лишним тысячи метров дают себя знать очень скоро. Кружится голова, нечем дышать.

Дорога петляет, спускаясь к Ла-Пасу. Наконец-то вы пробиваете облачность, но на автомобиле. Центр города — на высоте 3 600 метров над уровнем моря. Это тоже немало, и первое время гостю приходится больше лежать, чем ходить. С изумлением видим, что на футбольном поле идет нормальная игра. Ла-Пас расположен во впадине, он как бы зажат в ущелье. Рельеф определяет здесь и деление города на бедные и богатые кварталы: высоко в горы поднимаются ряды убогих хижин, а в низине, в восточной части,— особняки и иностранные посольства.

На каком языке говорят боливийцы? Оказывается, не на испанском. Во всяком случае, из трех с половиной миллионов человек (по переписи 1951 года) полтора миллиона индейцев—кечуа, семьсот тысяч индейцев—аймара, двести тысяч — гуарани. Крестьянство Боливии — это индейцы. Лишь для четырехсот тысяч человек, преимущественно городских жителей, испанский язык — родной и единственный. В Боливии самый большой на континенте процент индейцев; фактически это страна индейцев и метисов.

Утренний базар в Ла-Пасе — очень красочное зрелище. Наряд индейских женщин — это широкая юбка, масса платков на плечах и на спине и, наконец, черный котелок. Нередко за спиной привязан платками малыш. Он такой же, как и все малыши, только глаза, пожалуй, смотрят немного сурово. Скуден заработок крестьян, за гроши продают они продукты своего труда. Скуден заработок и городских жителей, за немногим исключением.

Контрасты Ла-Паса — это не контрасты Рио-де-Жанейро. Город невелик. В нем едва три-четыре десятка зданий в 5—6 этажей. Даже район особняков выглядит куда скромнее, чем где-нибудь в более богатых странах Латинской Америки.

Через три дня, немного акклиматизировавшись, мы вновь поднимаемся на плато и направляемся на запад. Там, недалеко от самого высокогорного в мире озера Титикака, находятся развалины древнего города Тиауанаку.

Развалины, по которым легко угадываются очертания мощных стен, поражают своим величием. Вот «Ворота солнца». Им девять тысяч лет. Может быть, эти развалины самые старые в мире?

К сожалению, старина существует в Боливии не только в архитектурных памятниках прошлого. Деревни, которые мы проезжаем, выглядят так, как они выглядели при инках. И если это памятник, то памятник многовековой тирании эксплуататоров, многолетнему господству империализма. Вот хижина, слепленная из глины. Десяток овец да древняя, очень древняя соха — все имущество этой семьи. Старая индианка быстро скрывается, увидев наши фотокамеры: люди не любят позировать для фотографов. Это не застенчивость. Это гордость, передаваемая из поколения в поколение.

На воскресном базаре в селении Тампильо обстановка более непосредственная. Женщины судачат, забыв о коммерции, дети возятся возле груд диковинных фруктов, мужчины степенно разговаривают. Характерная деталь мужского костюма — наушники, которые предохраняют уши от сильного мороза, нередкого в горах.

— Вы знаете, как у нас в деревне заключаются браки?— замечает наш спутник — врач из Ла-Паса.— Сначала очень долго происходит процесс ухаживания за невестой. Затем делается предложение и происходит фактический брак. Лишь после этого молодые люди решают: либо совершить гражданский и церковный обряд, либо разойтись. Так повелось с древности...

Факел, который не удалось погасить

На площади перед зданием парламента возвышается памятник. Полтора века назад, в 1810 году, здесь был казнен испанцами герой освободительной борьбы боливийского народа Педро Мурильо. Если пройти несколько кварталов в сторону от центра и затем по узкой улочке, круто уходящей вверх, по которой уже не сможет проехать автомобиль, легко найти музей Мурильо. Это национальная святыня боливийцев. Здесь же располагается своего рода исторический и этнографический музей страны.

В небольшом внутреннем дворике, столь характерном для старой испанской архитектуры, мы видим мемориальную доску. На ней начертаны последние слова, сказанные Мурильо уже на эшафоте: «Факел, который я зажег, никто не сможет погасить».

Испанцы вскоре были изгнаны, но это не принесло еще стране свободы от эксплуатации и, как вскоре оказалось, от нового иностранного господства, проявлявшегося в более замаскированных формах. Для империализма янки Боливия была даже не колонией, а всего лишь гигантской оловянной шахтой.

На плоскогорье Анд существовали латифундии, где индеец был такой же частью земельного владения, как бык или плуг. Латифундии в восточных районах страны достигали огромных размеров: некоторые из них были равны территории Бельгии. В долинах латифундисты отдавали землю небольшими участками в пользование крестьянам. Такие крестьяне назывались «пикерос»; они часто обрабатывали участки сообща. Наконец, существовали примитивные крестьянские общины, сохранившиеся со времен аймарской цивилизации и от империи инков.

Нищета, отсталость, забитость — таков, казалось, был удел боливийцев. Но факел, зажженный Мурильо, не был погашен. И в 1952 году вспыхнуло пламя всенародной революции.

Я прошу рассказать о ней генерального секретаря ЦК Компартии Боливии Марио Монхе. Этот молодой человек, по широкоскулому лицу которого видно, что в жилах его течет кровь коренных жителей страны, говорит спокойно и уверенно. Лишь иногда в глазах его я вижу искорки гнева или воодушевления.

— Революцию, которая произошла в Боливии 9 апреля 1952 года, можно оценить как самое важное после кубинской и гватемальской революций антифеодальное и антиимпериалистическое выступление народа в Латинской Америке. В тот апрель,— вспоминает Монхе,— рабочие города Ла-Пас штурмовали арсеналы и полицейские участки; шахтеры, вооруженные самодельными гранатами, сделанными из взрывчатки, наступали на города. Власть хозяев шахт и их союзников-латифундистов рухнула. Пришла к власти национальная буржуазия. Под мощным напором народа новое правительство национализировало большинство шахт. Фактически они уже были взяты под контроль вооруженными рабочими отрядами. Подбодренные этим примером, крестьяне стали создавать отряды. Они продавали скот, чтобы купить оружие. Таким образом, крестьянские массы начали осуществлять аграрную реформу еще до того, как она была узаконена.

Правительство бахвалилось тем, что роздало землю примерно одной трети сельского населения. Но было роздано 972 тысячи га, а это всего лишь 14 процентов обрабатываемых земель Боливии. Новые владельцы не получили никакой помощи: ни инвентаря, ни кредитов, ни семян. Поэтому сейчас никто не удивляется, если видит, как крестьянин сам впрягается в плуг, жена держит этот плуг, а дети разбрасывают семена. Но это еще не все. Чтобы получить землю, новые владельцы должны были заплатить всевозможные налоги: так называемые юридические, за измерение земли, за выдачу свидетельства и т. д. Эти налоги порой превышали стоимость самого крестьянского хозяйства. Что же касается крестьянских общин (а их в стране 3 779, объединяющих 20 процентов сельского населения), то их облагодетельствовали только тем, что сообщили о проведении аграрной реформы. Пикерос в таком же положении. Я подведу итог: в отношении целей революции политика правительства в аграрном вопросе была сначала не-

АКАМИ

В последнее время в газетах все чаще и чаще появляются сообщения о классовых боях в Боливии. Нарастает борьба боливийского народа за свои политические и экономические права.

Этот очерк написан автором в результате поездки в Боливию в составе журналистской делегации, а также по материалам интервью для «Огонька», взятого у генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Боливии Марио Монхе Молина.

решительной, затем непоследовательной и, наконец, предательской.

Правительство ограничилось первыми шагами по пути завоевания экономической независимости, но дальше не пошло. Национализация шахт «оловянных баронов» Патиньо, Хохшильда и Арамайо не коснулась печей по выплавке олова. Сохранилась за империалистами и монополия по поставке олова на внешний рынок. Правительство даже решило выплатить крупные суммы в виде компенсации бывшим владельцам шахт.

Империалисты постоянно грабят нас своей политикой цен. Производство одного слитка обходится в 1 доллар 10 центов, а покупают его у нас за 90 центов. Только на этом мы потеряли за десять лет 70 миллионов долларов. Стоимость товаров, импортируемых из США, постоянно растет. А производство олова падает. Этого добивается международный оловянный картель; ему выгоднее увеличивать производство там, где он является непосредственным владельцем шахт.

Униженная Боливия

Школьников в Ла-Пасе легко узнать по форменным белым халатам. И именно поэтому вам сразу бросается в глаза, как мало школьников даже здесь, в столичном городе. В деревнях, конечно, не до белых халатов. Там дети, грязные и оборванные, с ранних лет помогают родителям в поле. Лишь самые маленькие возятся возле жалких глинобитных хижин.

В Боливии половина детей не посещает школы. Лишь 3 процента из тех, кто идет в начальную школу, доходит до средней школы. Семьдесят процентов населения страны вообще неграмотно. В бюджете нет средств на строительство школ, на увеличение числа учителей.

Но и те немногие боливийцы, которые получают образование, оказываются в трудном положении. Безработица охватывает примерно 10 процентов самодеятельного населения. А самодеятельное население каждый год увеличивается еще на 60 тысяч человек, большинство из которых не может найти работу. В Ла-Пасе все знают, как недавно были вынуждены покинуть страну двадцать два инженера, получивших образование за рубежом. Им не нашлось применения! Ведь в столице, например, имеются лишь несколько небольших предприятий: стекольный завод, две обувные фабрики, текстильные и швейные фабрики.

«Как же так?—скажете вы.—Ведь даже из школьных учебников известно, что Боливия — настоящая кладовая полезных ископаемых!»

...И вот мы в одном из немногих вновь построенных зданий Ла-Паса. Оно стоит еще в лесах. Здесь помещается государственная организация по эксплуатации нефтяных месторождений. Нефти в Боливии пока обнаружено не так уж много, однако она экспортируется в Аргентину, а раньше направлялась и в Бразилию. Но странное дело: боливийская нефть шла на экспорт в соседние страны, а для собственных потребностей приходилось покупать у американской компании «Галф».

— Вы удивлены?— спрашивает генеральный директор организации инженер Энрике Мариако.— «Стандард ойл» позволяла себе и не такое. Она нарушала условия концессии, нелегально вывозила нефть в Аргентину. А во время войны между Боливией и Парагваем отказалась снабжать нашу страну нашей же нефтью! Тогда, в 1937 году, мы национализировали добычу нефти.

— А каково положение сейчас?— спрашиваем мы.

— Наша нефтяная промышленность переживает огромные трудности. Американцы всегда саботировали разведку новых месторождений.

— Они это делали и на Кубе и в Бразилии.

— Да, такова их политика. У нас же нет ни материальных, ни технических возможностей для настоящей разведки недр. Да и для существующей промышленности не можем получить кредита у США. Даже по программе «Союза ради прогресса»! Еще в 1942 году заместитель государственного секретаря Нельсон Рокфеллер (а «Стандард ойл», между прочим, принадлежит дому Рокфеллеров!) заявил, что они не будут давать никаких займов на нужды национализированных нефтяных компаний. Это обещание выполняется очень точно,— печально улыбнулся инженер Мариако.— Это испытали на себе Мексика, Колумбия, Бразилия.

— В августе 1963 года,— вмешивается в беседу другой сотрудник компании,— в городе Кочавамба происходило совещание, на котором инженер Мариако поставил вопрос о сотрудничестве с СССР, не ставящим политических условий и принимающим в оплату товары местного производства. А совсем недавно, выступая в университете, он заявил о том, что пора покончить с изоляцией Боливии, пора установить контакты с СССР и расширить имеющиеся связи с Чехословакией. Инженер Мариако отразил позицию общественного мнения страны.

Находясь в Ла-Пасе и беседуя с патриотически настроенными людьми различных политических убеждений, приходишь к выводу, что таковы настроения среди самых широких общественных кругов. Я не говорю уж о том, что к советским людям, которые приезжают сюда чрезвычайно редко, проявляется огромный интерес. К нам обращались с просьбой дать интервью для радио, выступить перед студентами университета, в профсоюзном центре и т. д.

Показательна встреча в редакции буржуазной газеты «Эль Диарио» с ее директором Марио Анайя. Наш хозяин сказал, что Октябрьская революция была великим событием и СССР является важным фактором в сегодняшнем мире. Боливии нужны контакты с СССР. «Мы против изоляции, которая была, может быть, нашей главной бедой»,— говорит он. Более того, будучи человеком, далеко не согласным с идеями социализма, он заявил, что для решения своих проблем Боливия должна будет во многом использовать опыт советского народа. «Но посвоему»,— добавил он поспешно.

— Прочитайте завтра нашу газету,— говорит Анайя.— Я написал передовую под названием «Униженная Латинская Америка». В ней я протестую против использования лозунга антикоммунизма для прикрытия вмешательства во внутренние дела стран нашего континента. В этой статье я вновь и вновь выражаю свою точку зрения о том, что голос Латинской Америки должен звучать самостоятельно, а не по подсказке.

Да, разговаривая с боливийцами, вглядываясь в их гордые лица, понимаешь, что народ сумел пронести свое национальное и человеческое достоинство через века эксплуатации и унижения. Этот народ проявляет сегодня все большую активность в определении судеб своей страны.

Нет мира в Ла-Пасе

Боливия названа в честь героя освободительной войны народов Латинской Америки против испанского ига Симона Боливара. Конная статуя этого выдающегося исторического деятеля континента стоит на главной улице столицы. На глазах бронзового Боливара происходили революции, перевороты, перестрелки.

В дни нашего пребывания в городе на этой самой улице проходила антиамериканская демонстрация, организованная студентами. Мимо Боливара тащили картонные фигуры «дяди Сэма» в цилиндре, фраке и полосатых брюках. Публика смеялась, играл оркестр, дети с восторгом бегали взад-вперед. Это была, может быть, одна из наиболее мирных и даже веселых демонстраций. Однако не они характеризуют политическую обстановку в стране.

«Ла-Пас» в переводе с испанского означает «мир». Но в этом городе нет мира.

Шестого августа 1964 года, в День независимости, в Боливии проходила церемония провозглашения президента Виктора Пас Эстенсоро на второй срок. Утром того дня вице-президент Хуан Лечин, лидер Левой революционной партии, речь которого на церемонии ожидалась общественностью с большим интересом, был избит реакционерами и попал в больницу. В этот день за стенами здания парламента дежурили военные отряды. По улицам и на крышах зданий было расположено большое количество полицейских агентов. Правительство опасалось выступления как правых, так и левых сил. Церемония прошла в нервозной обстановке и на скорую руку.

Выборы президента прошли двумя месяцами раньше. Что это были за выборы? В предвыборной поездке Пас Эстенсоро сопровождал американский посол Гендерсон. Четыре партии воздержались от участия в выборах: правая Боливийская социалистическая фаланга, представляющая помещиков, Подлинное националистическое революционное движение, отражающее интересы новой буржуазии, пользующаяся сильной поддержкой профсоюзов Левая революционная партия и, наконец, Коммунистическая партия.

Однако вернемся к событиям Дня независимости.

— Правительство «благополучно» провело выборы,— рассказывает Марио.— Однако влияние на него армии, тесно связанной с Пентагоном, все время нарастало. Когда на конференции министров иностранных дел Латинской Америки боливийский министр с достоинством отверг требования о разрыве отношений с Кубой, США усилили нажим на Боливию. Они приостановили всю помощь и предоставление кредитов. Тогда под давлением империализма и внутренней реакции правительство совершило позорный акт: оно порвало отношения с Кубой. Было объявлено чрезвычайное положение. Но это у нас тоже не редкость! Хотя много говорилось об угрозе переворота со стороны правых, на деле чрезвычайное положение было направлено против левых сил. В результате предательской и нерешительной политики правительства в ноябре 1964 года действительно произошел военный переворот. Приход к власти военной хунты — это победа контрреволюции.

— Какова будет теперь деятельность левых сил?

— Становится ясной необходимость организации единства народных и антиимпериалистических сил для создания народного антиимпериалистического правительства, способного разрешить проблемы, стоящие перед страной. Наша партия, партия коммунистов, еще очень молода: она основана в 1950 году. Однако наша партия сумела добиться главного: она стала передовым отрядом трудящихся масс, она борется за осуществление надежд народа.

Мартти ЛАРНИ

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

Роман-памфлет

Глава первая

Меня зовут Тимидус. Лепус Тимидус. Бывший министр полиции республики Лакония. Просвещенный читатель знает, где находится Лакония. Поэтому мне нет надобности перечислять реки, горные хребты, равнины и государства, которые лежат на границах Лаконии с севера, востока, юга и запада. Моя родина славится как образцовая страна свободы, куда туристы приезжают любоваться забастовками, уличными потасовками, политическими канатными плясунами, классическими ограблениями, профессиональными пьяницами и пышными парадами. Лакония обеспечивает своим гражданам и гостям все привилегии и блага, которые только может предложить подлинная демократия.

Финляндия в какой-то степени напоминает Лаконию. В какой-то степени. Здесь тоже царит свобода. Я люблю Финляндию, потому что ее правительство три года тому назад предоставило мне политическое убежище. Когда-нибудь я попрошу дать мне финское гражданство. Если я буду иметь свободу действий. В Финляндии страшно холодные зимы и жестокая налоговая система; отличные спортплощадки, но скверные дороги; невкусное вино и дурно пахнущие писсуары. В остальном же здесь вполне прилично. Финны часто бывают склонны к мании величия, драчливы, упрямы, самодовольны, нечестны, выскочки и пьянчужки. В остальном же они неплохие. В Финляндии можно отлично прожить, если владеешь английским языком. Потому что объявления, модные песенки, приветствия и вежливость здесь всюду приняты английские. Табачные фабрики обращаются к своим покупателям исключительно по-английски. Только национальные кушанья м э м м и и к а л а к у к к о пока еще называются по-фински. Я не собираюсь учиться финскому языку, чтобы меня не стали принимать за иностранца. Если я говорю с акцентом по-английски, меня принимают за финского моряка или за финна-фермера из Америки. А может быть, даже за популярного певца модных песенок. Таким образом, перед широкой публикой я имею счастье оставаться инкогнито.

Еще год тому назад власти Лаконии требовали, чтобы Финляндия выдала меня. Финляндия отказала им, и с тех пор меня оставили в покое. Для окружающих я совершенно безопасен. Я не страдаю клептоманией, не употребляю запрещенных наркотиков, не вынашиваю в душе замыслов сексуального убийства и не собираюсь свергать финское правительство. К тому же я старый холостяк, которого интересуют лишь одинокие женщины да неверные жены. Но подобные щепетильные дела я привык устраивать тактично, деликатно, без огласки и к общему удовлетворению обеих сторон.

В дипломатических кругах долгое время поговаривали, что, дескать, я перед побегом ограбил государственную кассу Лаконии. Подобные разговоры вызывают у меня лишь улыбку. По двум причинам. Во-первых, я был на родине министром полиции, в задачу которого входит выслеживать грабителей сейфов. Во-вторых, государственная касса Лаконии уже четыре года была пуста, ибо эта богатейшая страна переживает хронический кассовый кризис. В государственных сейфах хранилась лишь кипа неоплаченных счетов. Кассовый кризис — это одно из тех обстоятельств, которые и здесь, в Финляндии, живо напоминают мне о родине.

Я прибыл в Финляндию тайно, и в кошельке у меня было лишь годовое жалованье. Мне удалось получить жалованье за год вперед на правах министра полиции. Этих денег мне хватило здесь на три месяца, причем я тратил лишь на самое необходимое, что служит показателем либо а) высокого уровня цен в Финляндии, либо б) низкого уровня оплаты министров в Лаконии. Я не специалист в данной области, так что оставляю решение дилеммы экономистам или политикам.

Как мне стало известно, меня считают агентом иностранной державы или шпионом. Разумеется, я бы смог быть шпионом, потому что на моей родине шпионаж является одной из важнейших задач министерства полиции. Но сейчас мне шпионская деятельность вовсе не улыбается. Шпионы так редко доживают до пенсии. От старческих недомоганий их избавляет электрический стул, газовая камера или виселица. Неприятный финал, к которому едва ли стоит стремиться. Лично меня это не привлекает. Во мне еще бурлит неуемная жажда жизни. Я хочу служить человечеству, но, разумеется, так, чтобы это и мне приносило удовольствие. Я не продам мое возлюбленное «я» слишком дешево, хотя после второй мировой войны цена человеческих душ падает катастрофически.

К политическим беженцам относятся всегда с некоторым предубеждением. Наверно, это происходит оттого, что они обыкновенно первым делом стараются вредить своей родине. Клянусь именем моих родителей, что я не страдаю такого рода навязчивыми идеями. Лакония имеет лучшее правительство, какое только можно купить на деньги. Я искренне желаю, чтобы оно смогло усидеть. Если оно, задремав, свалится со стула, я ему от всей души посочувствую. Стало быть, я весьма своеобразный политический эмигрант. Я не навязываю финским газетам заявлений, оскорбительных для моей страны и ее правительства; не прошу дать мне место в радиопередачах, чтобы поливать грязью прекрасную Лаконию; и даже не думаю хлопотать о создании эмигрантского правительства Лаконии здесь, на холодном севере, где оно в поисках теплого места для собраний убивало бы свои силы и здоровье парной баней и ресторанными бдениями.

Мое пребывание здесь вызывает в известных гражданских кругах неутихающее любопытство. Многие хотели бы выяснить источник моих доходов и тайну моей весьма приличной обеспеченности. Друзья мои, здесь нет никакой тайны! Я живу на свой заработок. Я читаю лекции и должен честно признать, что ни в одной стране так не боготворят иностранных лекторов, как в Финляндии. Я читаю лекции по криминальной психологии. Если мне удастся воспитать для Финляндии группу способных сыщиков, каких она прежде не имела, то тем самым, думается, я сполна расквитаюсь с уважаемым правительством, предоставившим мне политическое убежище.

Мой любезный читатель, конечно, недоумевает, почему такой честный, социально мыслящий и безупречный по своим житейским правилам человек вынужден был бежать из родной страны. Я и сам не перестаю удивляться этому. И читатель будет удивлен еще больше, когда я расскажу ему правду, только правду, чистую правду.

Глава вторая

Было совершено преступление. В этом, разумеется, нет ничего удивительного, поскольку местом действия являлась столица Лаконии — Палинодия, где крупные преступления совершаются каждые тридцать минут. Власти Палинодии вообще никогда не одобряют крупных преступлений. И сами они воруют только по мелочи. Они отстаивают порядок и справедливость, поскольку это дает им хоть какую-то личную выгоду.

Преступление, о котором я собираюсь рассказать, несколько отступало от обычной схемы. На первом этапе никто не был убит. Следовательно, деяние предстало в весьма замаскированном виде. И общественное мнение вначале направилось по ложному пути. Все пялили глаза на происшествие, забыв о виновниках. Последовательная непоследовательность. Но ведь это так естественно. Сколько мужчин, глядя на раздевающуюся женщину, совсем не замечают ее одежды!

Для тех, кому недостаточно знакомо политическое устройство Лаконии, ее великолепный демократический строй, я должен рассказать, что моя родина имеет только две партии: Партию Народной Свободы, основанную в свое время доктором Валерием Миксинусом, по прозванию Ангвилла, и Свободную Народную Партию, которую основал доктор Сабин Рептилианус. Чтобы не путаться, избиратели называют первую партию «Угрем», а ее соперницу — «Рептилией». Это не бранные клички, а ласковые прозвища. Они изящно образованы от имен основателей обеих партий, чтобы таким образом имена эти сохранились в памяти грядущих поколений.

Если вы раскроете любой словарь лаконийского языка, то легко найдете слово anguilla, что значит у г о р ь. Если же вы потрудитесь заглянуть в любую энциклопедию, то легко найдете название вида Myxine glutinosa, что значит м и к с и н а с к о л ь з к а я. Но это научное название непопулярно. В народе миксину обыкновенно называют угрем паразитическим или ослизлым угрем. Хотя наука и не относит миксин к уг-

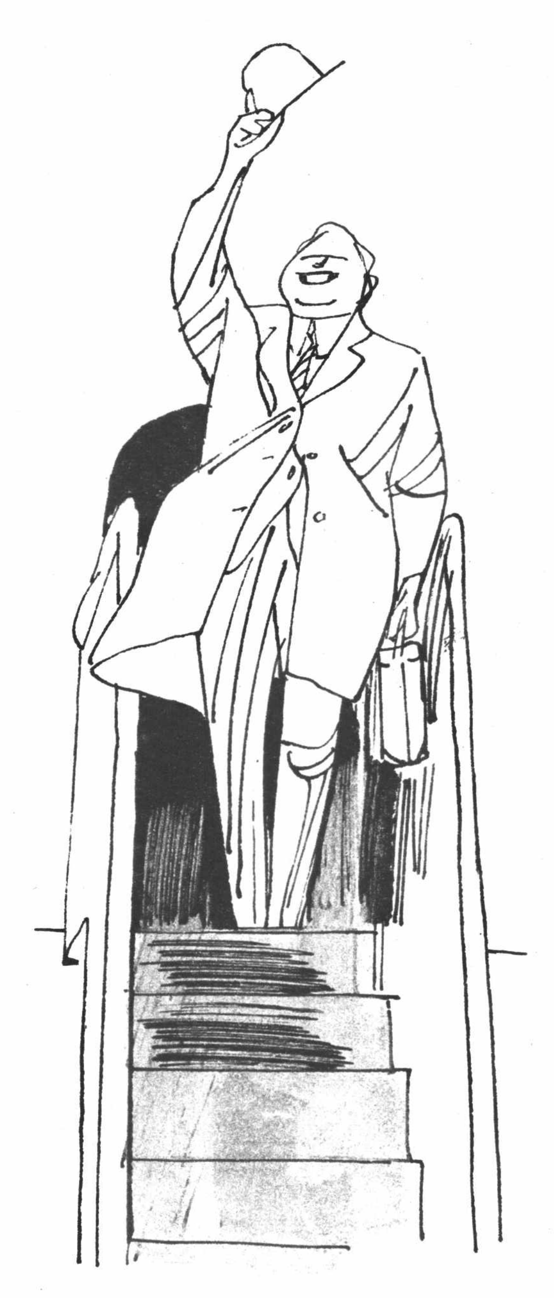
реобразным рыбам и даже вовсе не считает их рыбами, а находит, что они вместе с миногами составляют особый класс круглоротых, являясь наиболее примитивными из всех позвоночных, но народные названия не всегда считаются с наукой. Народ, как известно, и кита называет рыбой. Вот некоторые данные о миксине, именуемой в просторечии угрем: плавает, извиваясь, как змея; цвет светло-красноватый, брюшко белое; несмотря на слепоту, всегда находит поживу.

Точно так же читатель может найти и объяснение ласкового прозвища партии Сабина Рептилиануса: Reptilia — рептилии, пресмыкающиеся; класс позвоночных. Наиболее распространенными рептилиями являются ящерицы. Тело удлиненное, конечности короткие, пятипалые, когтистые; периодически меняют кожу; окраска зависит от окружающей среды. Изображения извивающегося скользкого угря и пресмыкающейся ящерицы, которая сбрасывает кожу и на ходу меняет окраску, стали эмблемами партий. Эмблемы благодаря своей наглядности дают возможность легко и удобно различать обе партии.

Если я по ходу рассказа буду иногда говорить об угрях и о рептилиях, то, конечно же, я имею в виду две политические партии моей родной Лаконии, а не позвоночных, которыми занимается зоология.

Это маленькое отступление от темы моего рассказа не должно вводить читателя в заблуждение. Пусть оно лишь послужит его просвещению. В самом деле, для характеристики обстоятельств преступления весьма важен местный колорит. А поскольку речь идет о Лаконии, которая знаменита своей свободой, ее колорит сразу бросается в глаза. Но, учитывая столь распространенную в наше время цветовую слепоту, я все же буду говорить лишь об угрях и рептилиях, а читателя попрошу раскрасить картинки с помощью собственного воображения. Это введение мне кажется достаточным, и я перехожу непосредственно к преступлению, расследование которого сыграло столь роковую роль в моей жизни.

В самом центре Палинодии находился ювелирный магазин, которым владел бывший министр внутренних дел Гней Барбатус. Это один из богатейших людей Лаконии, всегда и во всем следовавший общепринятому житейскому правилу: деньги никогда не

— Вполне возможно,— ответил один из двух негодяев тем холодно-деревянным тоном, каким наука говорит о любви.

Пришельцы решительно приступили к исполнению своих прямых обязанностей. Пока один наполнял чемоданы драгоценностями, другой стоял в дверях с автоматом наперевес, держа на мушке владельца магазина и его жену. В этом, разумеется, не было ничего удивительного, ведь подобные дела творятся в Лаконии каждый день. И внимания прохожих все это, конечно, не могло привлечь, ибо граждане Лаконии воспитаны могучими средствами радио, кино и телевидения, бесконечно повторяющими те же сюжеты. Необычным было в данном случае лишь то, что бандиты заставили господина Барбатуса и его жену раздеться донага. Это уж было противозаконно, ибо законы Лаконии решительно запрещают нюдизм, вовсе не считая, что собственное «я» нюдистов может служить им одеждой.

— Даю вам две минуты,— сказал бандит с автоматом.— В противном случае я буду вынужден пролить вашу кровь. А вы ведь понимаете, друзья мои, как это неприятно.

Госпожа Барбатус стала раздеваться с таким рвением, что ее устремленная вперед грудь оказалась в опасной близости с дулом автомата. Сцена эта возмутила целомудренные чувства бывшего министра, и он воскликнул:

— Ламелла! Вспомни, что ты мне обещала!

— Осталась одна минута,—напомнил вооруженный страж.

— Меньше минуты,— поправила Ламелла.— Поторопись, Гней! Ты не на заседании государственного комитета.

И снова подтвердилась истина: женщины рождены, чтобы повелевать. Господин Барбатус привык командовать мужчинами и подчиняться женщинам. Он разделся и заявил протест. Гнев его подогревали еще некоторые досадные мелочи: кальсоны держались на двух английских булавках, а из одного носка робко выглядывал большой палец. И все же, невольно испытывая глубокое почтение к автомату, он явился разбойникам в девственной натуральности своего ожирения, складок и морщин. По его мнению, Ламелла своей наглостью перещеголяла гангстеров,

ОМ АЛКИВАЮТ

РАЗОБЛАЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАНИЯ ПРОСТОДУШНОГО

могут упасть так низко, чтобы человек отказался от любви к ним. Кроме денег, Барбатус любил свою жену Ламеллу, бывшую исполнительницу модных песенок, имевшую обыкновение совершать по вечерам гормональные прогулки, за которыми почтенный супруг наблюдал особенно тщательно.

Барбатус знал, что в свободной стране свободой пользуются и бесчестные люди, а потому он сам вел свои торговые дела. Теперь, кстати, ничто не мешало ему заниматься ими, ибо к власти пришли угри, а рептилии могли всецело посвятить себя бизнесу. Барбатус был рептилия. Весьма солидный мужчина, он ненавидел всякую непристойность, если сам не мог ею насладиться. Уступив сопернику министерский портфель, он тотчас уволил из своего магазина продавцов и начал сам обслуживать покупателей. Красивая жена служила ему манекенщицей. Каждый день она должна была по двадцать минут сидеть в витрине, бросая взгляды на проходящих по улице джентльменов. Она блистала драгоценностями и собственными формами. Декольтирована она была до предела, и это служило несомненным доказательством того, насколько высоко ценил муж ее выступления с точки зрения бизнеса.

В один прекрасный день, а точнее сказать, 5 октября 1958 года, в магазин Барбатуса вошли двое неизвестных. Закрывая лица, они сразу дали понять, что явились с целью ограбления.

— Я не согласен,— сказал Барбатус.— Ведь это — уголовное дело.

хотя она и изображала величайшую покорность. Но женщина, которая кажется ангелом, должна быть превосходной актрисой. А этим талантом Ламелла не обладала. Господин Барбатус решил, что вызывающая стыдливость Ламеллы связана с деятельностью каких-либо желез.

Перед уходом незваные гости достали из кассы печать магазина, и в мгновение ока на плечах, на груди и на спине господина и госпожи Барбатус красовались фиолетовые клейма: «Барбатус — торговля драгоценными камнями». Господин Барбатус снова заявил протест, но злоумышленники довольно сухо заметили:

— Нынче рептилии не у власти.

Гости ушли, вежливо кланяясь, и унесли с собой платье господина и госпожи Барба-

тус, кассу и все драгоценности. Не все то золото, что блестит,— поэтому бриллианты их тоже устраивали.

«Лучшее наше достояние — свобода»,— подумал бывший министр внутренних дел, когда грабители вышли из магазина, унося сокровища общей стоимостью в десять миллионов лаконийских долларов (1 лаконийский $ = 3 финским маркам).

—Скорее вызови полицию!— крикнул он жене, суть наряда которой по-прежнему составляла нагота.— Полицию! Ты что, оглохла? Полицию!

— Сигнализация не работает,— спокойно ответила Ламелла.— Грабители обрезали провода.

— Так позови с улицы!

— С улицы?

— Да откуда угодно, наконец!

— Хо-ро-шо,— сказала жена и, покачивая бедрами, направилась к выходу.

Тут господин Барбатус вспомнил о законе, преследующем нюдизм. Законопослушание заставило его броситься на улицу следом за женой. Там их обоих задержали. Полицейские предложили им свои плащи, и двенадцать минут спустя оба были доставлены в отделение полиции.

— Я министр!— воскликнул господин Барбатус.

— Бывший,— поправил его полицейский офицер.

— Я призываю на помощь закон,— продолжал господин Барбатус.

— Сейчас, сейчас...— ответил офицер и, запинаясь, прочитал статью Лаконийского кодекса: «Лица мужского пола, появляясь в публичных местах на территории городов Лаконии, должны иметь на себе брюки...»

О лицах женского пола закон скромно умалчивал. Благодаря этой деликатности закона госпожа Барбатус отделалась предупреждением, но ее мужа оштрафовали на сто долларов — за непристойное поведение в публичном месте и оскорбление общественной нравственности; а кроме того, взыскали десять долларов штрафа за неуважение к правительству и за оскорбление представителей власти.

Покончив с этим делом, перешли ко второму: рассмотрели вопрос об ограблении ювелирного магазина Барбатуса, о чем было сделано теперь официальное заявление.

— Следствие начнется, как только сыщики закончат свою забастовку,— сказал полицейский офицер, разглядывая стройные ножки Ламеллы.

— Преступников надо задержать сейчас же! — отчаянно воскликнул господин Барбатус.— У нас справедливое государство, и я плачу налоги.

— Это вовсе не оправдывает вас.

Полицейский офицер пошелестел бумагами и неторопливо продолжал:

— Вот тут у нас на очереди ожидают расследования двести десять ограблений, восемьдесят изнасилований, свыше семисот карманных краж, примерно тысяча избиений и целая куча более мелких преступлений. Ваше дело подождет еще по крайней мере полгода.

— Это — безобразие! Я напишу жалобу канцлеру юстиции.

— Не трудитесь. Он сегодня объявил забастовку в знак солидарности.

Господин Барбатус начал ругать на чем свет стоит правительство угрей и добился того, что полицейский офицер тут же оштрафовал его еще на пятнадцать долларов. Поскольку господин Барбатус был без костюма и без карманов, то, конечно, у него не было с собою и бумажника. Поэтому взамен денег его жене пришлось снять с себя серьги, которые офицер потом подарил своей подруге.

Барбатусы ушли из отделения полиции в полицейских плащах и в подавленном настроении.

Вечером того же дня господин Барбатус позвонил мне домой. Он сказал, что я манкирую своими обязанностями и делаю это весьма успешно. Я ответил равноценной вежливостью, сказав, что для полноты комфорта в его роскошно обставленном доме не хватает лишь электрического стула. Тогда он почувствовал, что разговаривает с действительным министром Лаконии, и попросил аудиенции. Я обещал принять его в министерстве на следующее же утро, как только министерские чиновники освободятся от побочных дел и явятся на службу. Он знал по опыту, что это значит примерно после часу дня.

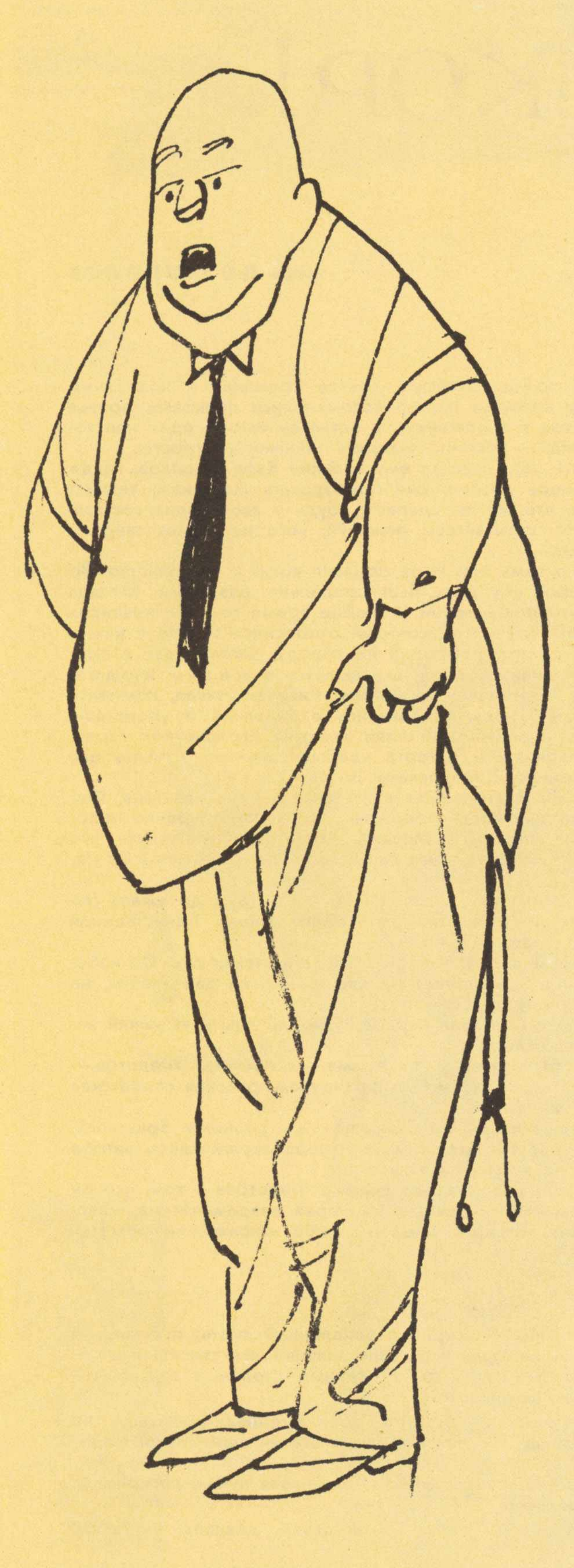
Я знал господина Барбатуса довольно хорошо. Мы были уже лет двадцать знакомы. Он начинал свою политическую карьеру как угорь, но потом переметнулся к рептилиям. В бытность министром он заслужил признание оппозиции, так как брал взятки в умеренном размере. Правда, и при нем бывали забастовки, но это происходило, вероятно, потому, что в свое время он защитил диплом о конфликтах между трудом и капиталом. Во время забастовок его капитал рос, как сплетня. Деньги, подобно тесту, прилипали к его рукам. В остальном же он был отличнейшим человеком. Вышло довольно забавно, что именно его магазин подвергся ограблению. Впрочем, нас потешает все то, что не задевает наших интересов.

Господин и госпожа Барбатус появились в министерстве за полчаса до назначенного срока. Им пришлось подождать лишний час, потому что моя секретарша разбудила меня после завтрака лишь в два часа пополудни. Я даже немного рассердился на секретаршу за такую ее деликатность — я не посмел бы назвать это халатностью,—потому что тем самым она дала лишний козырь в безжалостные руки моего противника. Теперь господин Барбатус на следующих выборах чего доброго станет говорить о спящих министрах. Зигмунд Фрейд признавал важнейшее значение снов для истолкования поведения человека, однако и он едва ли одобрил бы поведение министров, спящих на службе. Все же я не сделал выговора секретарше, ибо это была женщина редкого ума и честности, которая могла бы стать подлинным совершенством, будь у нее к тому же кое-какие недостатки, свойственные большинству женщин. Но я уверен, что она и поныне страдает чрезмерной положительностью. Незадолго до моего бегства за границу она сублимировала свой половой инстинкт и поступила на вечернюю работу в армию спасения.

Протерев спросонья глаза и пропустив стаканчик виски для бодрости, я принял у себя в кабинете бывшего министра внутренних дел Гнея Барбатуса и его жену Ламеллу. Обменявшись обычными партийно-политическими оскорблениями, мы приступили к обсуждению дела, приведшего их ко мне.

— Если стоимость похищенных сокровищ

достигает десяти миллионов лаконийских долларов,— сказал я спокойно,— то для вас имело бы смысл пообещать по крайней мере сто тысяч долларов тому или тем, кто задержит преступников. Дайте завтра же в газеты объявление с обещанием награды, да покрупнее, во весь лист.

— Поможет ли это?— вздохнул бывший министр.

— Трудно сказать. Но таким образом преступление приобретет известность, а ваша торговля получит отличную рекламу.

— Мы так и сделаем!— воскликнула госпожа Барбатус.— Подумай, Гней, ведь это блестящая реклама!

Господин Барбатус бросил на жену злой взгляд. Он был по горло сыт рекламой. Вообще надо сказать, что из всех уцелевших на земле животных видов один лишь человек пользуется алкоголем, огнестрельным оружием и рекламой.

— Неужели министерство полиции не способно предложить мне другой помощи?— спросил господин Барбатус.

Я отрицательно покачал головой.

— Все государственные сыщики бастуют,— ответил я.— И забастовка может изрядно затянуться, поскольку сыщики тем временем устроились в частные фирмы.

— А с частными фирмами государство конкурировать не в состоянии,— простонал несчастный коммерсант, который был уже настолько богат, что теперь его не разорила бы и честность.— Очевидно, придется обратиться за помощью в частное бюро. Знать бы только, на кого можно положиться.

Именно этого момента я ожидал, ибо принадлежащее мне бюро «X 13/B 31 X» специализировалось на расследовании ограблений. Вынув из ящика стола карточку с адресом моего бюро, я подал ее господину Барбатусу и сказал:

— Как высший блюститель порядка и справедливости я обязан помочь вам. Вот, возьмите. «X 13/B 31 X» на протяжении многих лет оказывало нашей государственной полиции неоценимые услуги. В штате этой конторы состоят лучшие, талантливейшие сыщики Лаконии. Рекомендую. Если угодно, я сам могу позвонить в контору.

Господин Барбатус наговорил мне с три короба любезностей: «...буду вечно благодарен за вашу внимательность и никогда не подумаю, что мы с вами представляем два противоположных политических лагеря...»— и прочую ерунду в таком количестве, что я посмеялся всласть. Я никогда не смеюсь оттого, что у меня хорошее настроение, но зато от смеха у меня всегда настроение улучшается. Считая аудиенцию законченной, я проводил гостей до двери и сказал:

— Все-таки я сейчас же позвоню в эту контору. Уверен, что они возьмутся за дело быстро и энергично. Да, тут есть только одна маленькая особенность, о которой я не успел упомянуть: у «X 13/B 31 X» довольно высокая такса.

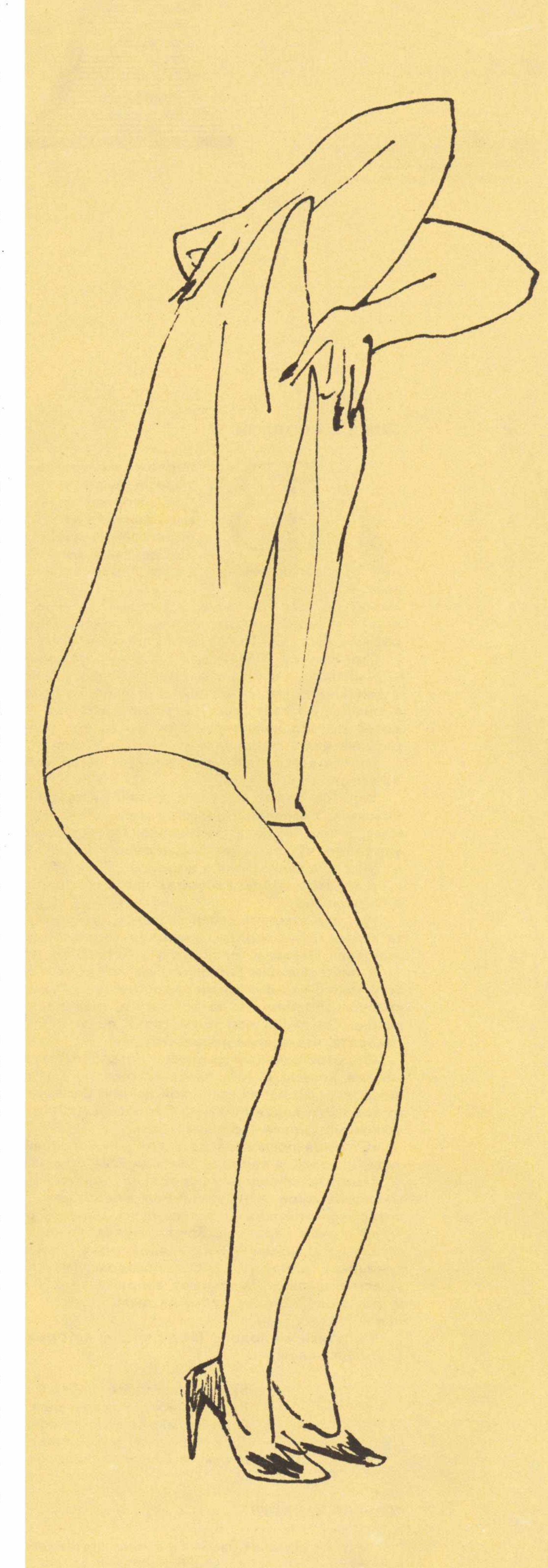
— Я готов заплатить что угодно, лишь бы только они раскрыли преступление,— ответил бывший министр и подал мне руку, столь же сухую, как и вся его жизнь.

Госпожа Барбатус бросила на меня томный взгляд. Наверно, она увидела в офицерском мундире некий символ эротики. Потом она протянула руку, задержав ее в моей руке, пожалуй, слишком долго, пока господин Барбатус не утащил ее, схватив за локоть.

Как только гости ушли, я позвонил в мое сыскное бюро. «X 13/B 31 X» звучит, пожалуй, несколько загадочно. Могу раскрыть вам маленький секрет. Эти буквы и цифры были просто-напросто меткой на казенном обмундировании, которым я пользовался, когда служил в армии. Метка крепко врезалась мне в память, и тут я решил воспользоваться ею, чтобы не пропадала зря. Я всегда стремился брать от родины все, что только можно взять. Не случайно я был награжден и орденом.

С финского перевел В. БОГАЧЕВ.

Продолжение следует.

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПАВЛА АНДРЕЕВИЧА ФЕДОТОВА

Анкор, еще анкор!

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

БУЛКИ И АПОЛЛОН

В первом московском кадетском корпусе парадный выпускной акт. Играет музыка. Герой торжества — юный Павел Федотов, вышедший первым в гвардию. Мечта его родителей осуществилась.

«Отец мой был воином екатерининских времен, редко говорившим о своих походах, но видавшим много на своем веку,— рассказывает Федотов в автобиографических заметках.— Женат он был два раза: в первый раз—на пленной турчанке, во второй — на моей матери... жили мы очень бедно... Наша многочисленная родня... состояла из людей простых, неуглаженных светскою жизнью...»

При выпуске Павел был отмечен в рисовании и черчении ситуационных планов ленивым. Как же это могло случиться, что будущий художник, кстати, считавшийся в корпусе способным к живописи, отстал в рисунке? Ответ весьма прост, хотя и несколько неожидан. Федотов правил чужие рисунки «и за это получая булки, чего с своего рисунка взять было нельзя, и потому свой всегда был неокончен...».

Нужда встретилась художнику с первых шагов жизни и преследовала его до конца.

Кадетов учили «фортификации, экзерциции, верховой езде, закону божьему, словесности, чистой математике, танцеванию» и многому другому, в том числе и рисованию. По уставу воспитанники должны были укреплять чувство веры и благочестия.

Дух казармы царил в корпусе.

Директор корпуса Клингер часто говорил: русских надо менее учить, а больше бить.

Не все выдерживали муштру, многие не кончали корпуса из-за «трепетания сердца, аневризма и подобных болезней». Эти напасти миновали Павла, и он прибыл в Петербург полным сил и энергии.

В лейб-гвардии Финляндском полку все быстро полюбили талантливого юношу за его жизнерадостность, за умение сочинять песни и прекрасно исполнять их, за доброту и, главное, за его способность к рисованию. Он писал портреты своих друзей по полку, «и вот начали уже говорить, что всегда делает похоже».

Федотов начинает серьезно интересоваться искусством, посещает вечерние классы в Академии художеств. Он пробует писать акварелью жанровые сцены из полковой жизни. За одну из них получил в подарок от великого князя Михаила Павловича бриллиантовый перстень. Однако успехи не делали его счастливым.

«Столица поглотила пять лет моей лучшей молодости... Пока в столице, успокойся сердцем, не жди и не обманывайся».

Федотов обладал удивительно тонким ощущением красоты окружающего мира и не принимал жестокости, грубости и меркантилизма петербургской жизни. Вот одна из записей, рисующих Федотова-поэта:

«Я стою в карауле... Вокруг милая, унылая северная природа... Пролегает путь людей чужих и идей моих, уплывают вдаль и сливаются с туманным, желто-розовым восходом. Тянутся обозы, чухны в глупых ушастых шапках... мелькают запряженные в маленькие санки румяные молочницы, изредка вздымая пыль столбом, пролетит пышная и атласная коляска богача».

Вот стихи молодого Федотова, в которых ясно сквозит вечная его спутница — нужда:

Блаженство наше: чарка в холод,
Да ковш воды в жару, да в голод
Горячих миска щей, да сон,
Да преферанс, и Аполлон,
И с музами спроважен вон...

СВЕЖИЙ КАВАЛЕР

Маятник стенных часов печально отстукивал минуты, дни, месяцы серых будней. Федотов как бы оставил за дверьми маленькой квартирки на Васильевском острове всю суету полковой жизни, все светские порывы и желания души своей. Он, подобно отшельнику, целиком отдался любимому труду.

Казалось, далеко позади остались долгие сомнения и колебания, где-то сквозь дымку времени порою вспоминались полковые друзья (давно позабывшие ход к художнику), и осталась только одна неистовая, неутомимая жажда — постичь, овладеть тайнами мастерства.

«Вам двадцать пять лет,— сказал ему великий Карл Брюллов, глядя на его работы,— теперь поздно уже приобретать механизм, технику искусства, а без нее, что же вы сделаете, будь у вас бездна воображения и таланта?.. Но попытайтесь, пожалуй, чего не может твердая воля, постоянство, труд».

С того дня прошло семь лет. И он проявил волю и постоянство. Во все это время каждый его день был предельно размерен. Вставал на заре, обливался холодной водой (в любое время года) и, невзирая на спящего Коршунова (денщика, который отпросился вместе с ним в отставку), уходил на прогулку. Бродил по городу, заговаривал с прохожими, часами простаивал у окон, вглядываясь в жизнь людей.

Придя домой, он принимался за работу. Рисовал, писал, компоновал. Наброски, эскизы, этюды создавались с энергией и упорством непостижимым, и скоро результаты стали заметны. Его рисунок окреп, в нем появились лаконизм и острота необыкновенные. Лучшие его рисунки могли соперничать с набросками Энгра.

Он отказывал себе во всем. Уйдя в отставку в чине капитана, Федотов получил весьма скромное содержание, из которого ровно половину посылал отцу и сестрам в Москву. Достаточно упомянуть, что ежедневный рацион художника и его слуги составлял «сумму» в 25 копеек серебром.

Казалось, он вовсе не знал развлечения. Труд, труд до ужаса (по словам его немногих друзей) отнимал все его время. Единственной отрадой была игра на гитаре и пение.

Холодный, печальный дом его не знал тепла женских рук. Он избегал, боялся любви. «Меня не станет на две жизни, на две задачи, на две любви — к женщине и искусству».

В 1846 и 1847 годах он написал первые свои картины — «Свежий кавалер» и «Разборчивая невеста».

«Страшно, жутко было мне в то время,— вспоминал Федотов.— ...Я все еще не верил себе... я не был французом, русская солдатская кровь текла у меня в жилах...»

И наконец решается послать картины на суд к грозному Брюллову. Больной Брюллов радушно принимает у себя застенчивого автора и восклицает: «Вы меня обогнали...»

После Брюллов часто говорил, что счастье Федотова в том, что он смотрит на натуру своими глазами, а не через академические, классические очки, зрящие только библейские либо мифические сюжеты.

СВАТОВСТВО МАЙОРА

— Ба! Что за роскошь? — вскричал удивленный гость, посетивший Федотова в его бедной каморке и отлично знавший его стесненные обстоятельства. Он увидел хозяина за обеденным столом с только что откупоренной бутылкой шампанского.

— Уничтожаю натурщиков,— ответил Павел Андреевич, указывая на скелетики двух съеденных селедок и наливая стакан шампанского приятелю.

Этот маленький рассказ современника как нельзя лучше раскрывает творческий метод художника.

Ни шагу без натуры. Эти слова могли стоять девизом на гербе Федотова.

Десятки эскизов, сотни набросков подготовлялись, прежде чем художник приступал к завершению самой картины. Много времени он отдавал поискам типажа для своих полотен. Вот любопытная история, рассказанная Федотовым своему другу:

«Когда мне понадобился тип купца для моего «Майора», я часто ходил по Гостиному двору... гулял по Невскому проспекту с этой же целью, но долго не мог найти того, чего мне хотелось. Наконец, однажды у Аничкова моста я встретил осуществление моего идеала, и ни один счастливец, которому назначено на Невском самое приятное рандеву, не мог более обрадоваться своей красавице, как я обрадовался моей рыжей бороде и толстому брюху».

П. Федотов. АВТОПОРТРЕТ С РОДИТЕЛЯМИ. 1837.

Государственная Третьяковская галерея.

П. Федотов. ЗАВТРАК АРИСТОКРАТА. 1849. Государственная Третьяковская галерея.

П. Федотов. РАЗБОРЧИВАЯ НЕВЕСТА. 1847.

Государственная Третьяковская галерея.

НЕВЕСТА.
Набросок к картине «Сватовство майора».

АВТОПОРТРЕТ
(с чубуком)?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
С БУТЕРБРОДОМ.

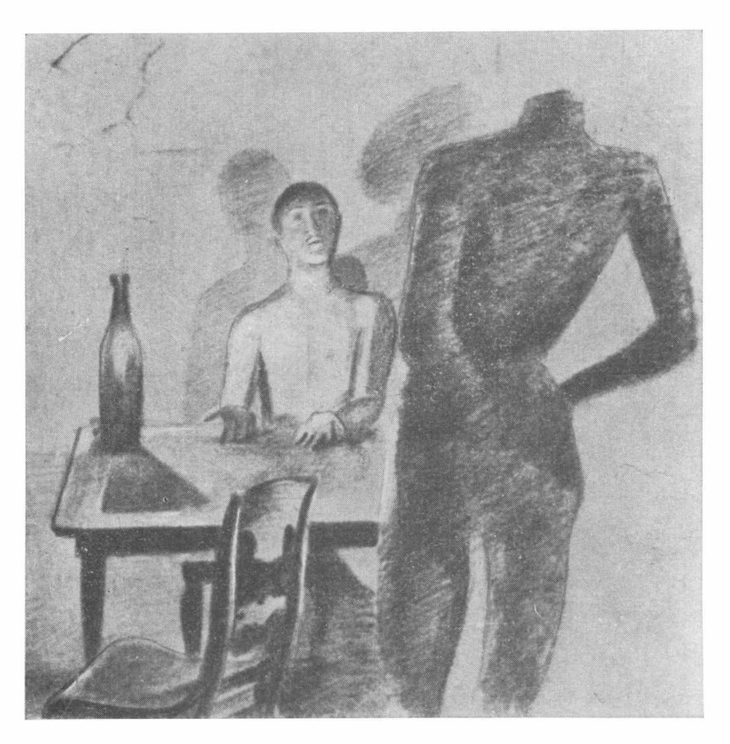
П. Федотов. СВАТОВСТВО МАЙОРА ИЛИ ПОПРАВКА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ЖЕНИТЬБОЙ. 1848

Государственная Третьяковская галерея.

П. Федотов. АНКОР, ЕЩЕ АНКОР! 1850—1851.

Государственная Третьяковская галерея.

Наброски к картине «Игроки»

П. Федотов. «СВЕЖИЙ КАВАЛЕР». 1846.

Государственная Третьяковская галерея.

П. Федотов. ПОРТРЕТ Н. П. ЖДАНОВИЧ. 1849—1850.

Государственный Русский музей.

Картина «Сватовство майора» принесла Федотову давно желанную славу. Огромный, невиданный успех на выставке в академии, всенародное признание картины и вскоре присвоение ему звания академика — это, пожалуй, наиболее светлые страницы его биографии. Казалось, дорога перед ним открыта. Вечная нужда и горести должны были отступить и открыть путь свободному творческому полету...

«ЭСТЕТИЧЕСКОЕ КОЕ-ЧТО»

Петербург, а затем Москва стали свидетелями триумфа картин «Сватовство майора», «Свежий кавалер», «Разборчивая невеста»...

Предисловие к картине «Поправка обстоятельств, или женитьба майора», написанное художником в поэтической форме, не опубликованное в печати, ходило в списках по всей России.

Шевченко, находясь в далекой ссылке, отмечает в дневнике: «Мне кажется, что для нашего времени... необходима сатира, только умная, благородная. Такая, например, как «Жених» Федотова или «Свои люди — сочтемся» Островского и «Ревизор» Гоголя...»

Находясь в Москве и обласканный московским обществом, Федотов полон самых радужных надежд:

«Мои картины производят ф у р о р (Разрядка моя.— **И. Д.**). Новым знакомствам и самым радостным, теплым беседам нет конца. В участи моего отца и сестры-вдовушки первые лица города приняли участие; с божьей помощью я надеюсь, что их обеспечат навсегда...»

Надежды... Как порою они далеки от того, что предлагает суровая жизнь! Не прошло и года, как Федотов познает всю суетность славы:

«Мой оплеванный судьбой фурор, который я произвел на выставке своих произведений, оказался не громом, а жужжаньем комара, потому что в это время... был гром на Западе, когда в Европе трещали троны. К тому же все, рождением приобретшие богатство, прижали, как зайцы уши, мешки свои со страха разлития идеи коммунизма... Я... увидел себя в страшной безнадежности, потерялся, чувствовал какой-то бред ежеминутный...»

Потерялся... Это слово наиболее подходит к состоянию Федотова в ту пору. Что же случилось?

В Европе отгремела революция 1848 года, и резонанс от этого события не замедлил сказаться. В журнале «Северная пчела» было опубликовано правительственное сообщение, странно названное «Дополнительная декларация». В ней писалось:

«Пусть народы Запада ищут в революции того мнимого благополучия, за которым они гоняются... Что же касается до России, то она спокойно ожидает дальнейшего развития общественного своего быта как от времени, так и от мудрой заботливости своих царей».

Моровой полосой назвал эту пору Герцен.

Вот в эту полосу и попадает Федотов со своим «Свежим кавалером» и «Сватовством майора».

«Москвитянин» не замедлил отреагировать на крамольное творчество художника. В апрельском номере журнала за 1850 год публикуется большая статья профессора Леонтьева «Эстетическое кое-что о картинах Федотова», где в упрек мастеру ставится злоба и «изображение действительности, какой она бывает».

В конце статьи автор договорился до того, что в «христианском обществе для него (Федотова.— **И. Д.**) нет места».

Какого качества была подобная критика, можно догадаться по отзыву Н. Огарева об авторе статьи: «Где Катков и Леонтьев — все шпионы и мерзавцы, которым каждый честный человек имеет право наплевать или ударить в рожу...»

ЧУДАК СТАНОВИТСЯ ОПАСНЫМ

«Я боюсь всего на свете — даже воробья, и он, пролетая мимо носа, может оцарапать его, а я не хочу ходить с расцарапанным носом. Я боюсь всего, остерегаюсь всего, никому не доверяю, как врагу...»

Положение Федотова было крайне неблагополучным. После известной статьи в «Москвитянине» наступило всеобщее охлаждение к художнику в кругах власть предержащих и имущих. Меценаты, недавно предлагавшие наперебой крупные суммы за картины или даже за повторения, ныне пошли на попятную, и Федотов, у которого за душой не было ни гроша, остался на мели.

Правда, он писал в одном из писем:

«Я привык к моему несчастью, что выступил на сцену артистом в пору шумно политическую. Отряхнулся, так сказать, от всего светского, объявил гласно мое сердце навсегда запертым для всех... и равнодушно для окружающего принялся за свои художественные углубления...»

«Равнодушие» и Федотов не могли ужиться вместе. И, несмотря на желание автора казаться безучастным ко всему живому, его горячее сердце и его верная кисть создают произведения, которые являются лучшим подтверждением других слов Федотова: «Часто добрые ходят по миру в жгучем холоде, в тошном голоде... Совесть чистая, струнка звонкая и досадная — от всего гудит!»

Федотов видел, как много в человеке бесчеловечия, его нежная душа содрогалась от грубости и пошлости окружающей действительности, он задыхался в душной атмосфере николаевского режима. И это столкновение его мятущегося «Я» со временем рождает образы необычайной силы.

«Анкор, еще анкор!»

Анекдотический сюжет перерастает в трагедию. Провинциальные будни оборачиваются безысходностью и уродливостью ада. Жанр и трагедия. В этом непостижимость прозрения Федотова, создавшего шедевр, предвосхитивший высшие достижения живописи Домье.

Пожалуй, никто до него в искусстве так глубоко не проник в мир загнанной в т у п и к души, в мир, так блестяще раскрытый в литературе Достоевским.

Зловещая, прокуренная каморка с пьяным офицером, гоняющим несчастного пса, безысходность скуки, царящей в этой избе, гениально подтверждена колоритом картины. Горящие, дантовские краски превращают интерьер в преисподнюю, где в смертной тоске мечется человеческая душа, не менее несчастная, чем загнанная собака...

«Игроки». Произведение, потрясающее по силе разоблачения пустоты и бессмысленности существования человека-улитки, человека-червя. Как будто в тине болота извиваются фигуры людей-червей, освещенные фантастическим светом. Пусты рамы, висящие на стене, картин в них нет. Но не менее пуст внутренний мир игроков. В них ощущается лишь привычная оболочка. И невольно вспоминаются слова Гоголя: «Ныла душа моя, когда я видел, как много тут же, среди самой жизни, безответных, мертвых обитателей, страшных недвижным холодом души своей и бесплодной пустыней сердца...»

...Трудно себе представить, как сводил концы с концами Федотов, когда писал эти полотна. Он был доведен до крайности. Бедность буквально задавила его. Он пытался заработать деньги копированием своих картин, но болезнь глаз сделала эту работу пыткой.

В одном из писем он впервые ради бога умоляет помочь ему, хотя бы взаймы, сроком на десять лет. «Обстоятельства могут иногда вывести из приличия»,— пишет он в другом послании.

...Лампа угасала. Полосы света то вдруг исчезали совсем, то будто живые бродили по сырым стенам мастерской. Федотову стало страшно, тоска и одиночество сдавили его сердце.

— Зачем мои мучения,— вдруг подумал он,— как я похож на моего бедного пуделя.

— Анкор, еще анкор!— говорит мне судьба, и я, покорный, еще усердней принимаюсь перепрыгивать очередное препятствие. Как я устал!

Лампа вспыхнула и погасла. В наступившей темноте раздавался мерный храп верного Коршунова.

СКОРБНЫЙ ИЮНЬ

Летний, жаркий день начался весьма обычно. Федотов встал рано, быстро оделся и, велев Коршунову подождать его, ушел на прогулку...

«Представь себе, моя голубушка Лизочка,— пишет жене друг художника Бейдеман,— что Федотов сватается за сестру Лизу. Пришел он к нам рано, обедал у нас, пел, читал свои стихи «Майор», был весел, интересен. Подсел к Лизе и сделал предложение... Она была поражена... Он, видя ее замешательство, говорит: «Вы, барышня, подумайте, поговорите с маменькой, а я подожду».

Происходит семейный совет, да «что там думать, прелестный человек, отличный художник, поэт, музыкант, да это прелесть».

Вскоре появляется Федотов. Ответ готов. Согласны. Жених в восторге, ухаживает за невестой и умоляет, чтобы вечером в восемь часов было обручение.

Счастливый, он отправляется купить кольца.

И вот часы пробили девять часов. Родственники, близкие друзья, священник — все в сборе! Проходит час, другой, третий... Жениха нет как нет. Бьет час ночи. Полный пассаж...

Откуда было знать бедной невесте, что ее жених еще с утра заказал себе гроб, затем заехал в несколько домов, где сделал ряд предложений, а сейчас в час ночи в Царском Селе отставной гвардейский капитан Федотов объявил себя... Христом!..

Так начался скорбный, последний путь художника. Сперва платное лечебное заведение Лейдендорфа, а затем ввиду бедности академик императорской Академии художеств Павел Федотов, «страждущий умопомешательством», перемещен в больницу Всех Скорбящих.

Порою Павел Андреевич приходил в себя. Так, по прибытии в больницу он заполнил «Скорбный листок», где на вопросы об образе жизни и привычках ответил: «Постоянно работал... Жизнь воздержанная, даже очень».

Сколько лишений, невзгод, а порою неприкрытой нищеты скрывалось за этими словами!

Известно, что больной порою рисовал, узнавал приходивших к нему друзей. В одном из воспоминаний рассказывается, как при прощании Федотов прошептал: «Как меня здесь мучат! Если бы вы могли помочь».

Но помочь уже никто не мог. В последний месяц художник ничего не ощущал, кроме своих мук, а когда размер страданий стал непомерен для слабых сил его, он угас.

За два дня до смерти он пришел в себя и, подозвав Коршунова (не покидавшего его ни на один час), попросил позвать близких друзей. Но злая судьба и тут вдосталь поиздевалась над несчастным. Служитель, посланный с письмами, по дороге зашел по привычке в кабак, а затем попал в участок.

Сутки сидел в кресле одинокий художник, дожидаясь друзей, но не дождался. Он умер на руках верного слуги Аркадия Коршунова. А когда друзья пришли, то увидели на столе в отставном мундире лейб-гвардии Финляндского полка Павла Андреевича Федотова, который «волею божьей» умер 14 ноября 1852 года «от грудной водяной болезни». Ему было всего 37 лет.

За бедным, ничем не покрытым гробом шел рыдающий Коршунов, да рядом инвалидный солдат в балахоне тащил чадящий факел. Мелкий, холодный дождь гасил пламя.

Наконец успокоился великий страдалец. Он ушел, как любил говорить сам, в червивую каморку...

Федотова похоронили. О его кончине печать не сказала ни слова. Крамской писал о трагической смерти художника: «Федотов был явлением... неожиданным и единым. В то время из официального мира никто не давал значения этому явлению; когда же Федотов... стал угрожать величию... на него восстали, и он был раздавлен».

Немногим более двух с половиной лет осталось до того времени, когда весь мир широко отметит столетие со дня рождения Алексея Максимовича Горького. Это, безусловно, будет «год Горького». Чтобы достойным образом встретить знаменательную дату, уже сейчас необходимо начать к ней готовиться.

Предстоит, в частности, немалый труд по выявлению произведений и писем великого писателя, остающихся неотысканными, а также их обнародование. Количество такого рода пока еще неведомых рукописей Горького огромно. Весьма велико и число тех из них, что находятся за рубежом.

Редакция «Литературного наследства», издания, на протяжении трети века публикующего новонайденные материалы о выдающихся русских писателях, считает одной из своих задач на ближайшие годы активное участие в разыскании неизданного творческого и эпистолярного наследия Горького.

Начало этой нашей работе было положено недавно вышедшим 70-м томом «Литературного наследства» (главный редактор — И. И. Анисимов). Том, носящий название «Горький и советские писатели», был тепло встречен литературной общественностью и получил высокую оценку в печати. Превосходный мастер эпистолярного стиля, Горький ведет в напечатанной переписке откровенный разговор о достоинствах и недостатках в произведениях многих современных писателей. А взятая в целом, эта переписка дает необычайно живую и яркую картину литературной жизни в нашей стране на протяжении первых двух десятилетий советской эпохи. Без материалов, впервые появившихся в 70-м томе, не может быть написана история советской литературы.

В ближайшие недели издательство «Наука» выпускает в свет новый, 72-й том «Литературного наследства», озаглавленный «Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка». Книга эта много шире своего названия и по материалам и по содержанию. В ней свыше шестисот страниц и сто пятьдесят иллюстраций, и она весьма примечательна во многих отношениях. Прежде всего по своей яркости и содержательности переписка Горького и Андреева занимает первое место в эпистолярном наследии каждого из них. Она раскрывает историю многолетних отношений писателей, сначала бывших литературными соратниками, а затем оказавшихся в разных лагерях, и помогает понять, почему эта дружба окончилась разрывом. Переписка Горького и Андреева — волнующий человеческий документ, без которого невозможно было бы представить себе полную драматизма историю их отношений. К тому же в этой переписке обсуждаются важные общественные и эстетические вопросы, она дает ключ к раскрытию сложных процессов, происходивших в русской литературе начала века, вводит читателя в напряженную атмосферу предреволюционных лет.

Горький никогда не переставал считать Андреева «талантливейшим писателем современности», «человеком редкой оригинальности, редкого таланта и достаточно мужественным в своих поисках истины» и утверждал: «...в истории русской литературы за ним навсегда останется место одного из оригинальнейших художников».

Андреев же не раз заявлял в печати, что Горький был «единственным» из числа «больших наших писателей», оказавшим «сильное влияние» на него как писателя. И далее Андреев говорил: «Ему я обязан бесконечно в смысле прояснения моего писательского мировоззрения. Никогда до бесед с ним я не смотрел так серьезно на свой труд и свой дар. Он первый заговорил о такой для меня сомнительной вещи, как мой талант, о моей ответственности перед этим талантом и т. д. Он первый научил меня уважать высоту писательства». Отмечая в своей автобиографии, что Горький «первый обратил серьезное внимание» на его беллетристику и «в течение многих лет оказывал» ему «неоценимую поддержку своим всегда искренним, всегда умным и строгим советом», Андреев продолжал: «В этом смысле знакомство с Максимом Горьким я считаю для себя как для писателя величайшим счастьем». Наконец, в полной мере понимал Андреев и роль Горького как наставника, вдохновителя и руководителя передовых литературных сил России. Недаром в одном из позднейших писем, адресованных Алексею Максимовичу, Андреев утверждал: «Другого человека, писателя, который мог бы привести молодую литературу к революционному единству — кроме тебя, я не вижу».

Давно было известно, что на протяжении почти двух десятилетий Горький и Леонид Андреев вели интенсивную переписку. Но ни в одном из советских государственных рукописных хранилищ и частных собраний не оказалось подлинников писем, отправленных Горьким Андрееву. Лишь в Архиве А. М. Горького при Институте мировой литературы Академии наук СССР сохранилось несколько копий его писем к Андрееву.

Для того, чтобы обнаружить нынешнее местонахождение подлинников этих писем, необходимо было прежде всего выяснить судьбу бумаг Андреева. Мои поиски привели к положительным результатам. Оказалось, что после смерти Андреева в 1919 году в Финляндии огромным архивом писателя владела его вторая жена — Анна Ильинична. Здесь и находились все сохраненные Андреевым письма Горького к нему. Далее я выяснил, что подавляющую часть автографов этих писем, если не все, Анна Ильинична передала своему сыну Валентину Леонидовичу, жившему во Франции. Возможно, что некоторое их количество находится в той части бумаг, которая перешла к Савве Леонидовичу, другому сыну Анны Ильиничны, поселившемуся в Аргентине (Анна Ильинична скончалась в 1948 году в США). Девяносто три письма Горького к Андрееву из числа хранившихся у Валентина Леонидовича приобрел Архив русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете в Нью-Йорке. Обращение к Вадиму Леонидовичу Андрееву, старшему сыну писателя, живущему в Швейцарии, дало возможность установить, что у него находятся автографы десяти писем Горького к его отцу; передал их Вадиму Леонидовичу его брат Валентин.

Таким образом, выяснилось местонахождение ста трех писем Горького к Андрееву. Затем мне удалось получить их фотографии от нынешних владельцев автографов. Это стало основой задуманного тома «Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка» и дало возможность приступить к его созданию. Дополнить полученную из-за рубежа ценнейшую подборку удалось лишь двумя письмами Горького к Андрееву, хранящимися в Архиве А. М. Горького, и неизвестной в подлиннике телеграммой Горького, появившейся в одной газетной публикации в 1913 году в связи с пятнадцатилетием литературной работы Андреева.

Намного печальнее судьба писем Андреева к Горькому. Имеющиеся в настоящее время семьдесят пять номеров — это едва ли две трети общего числа писем Андреева. В Архив А. М. Горького, куда, по решению Советского правительства, были переданы разрозненные части бумаг писателя, оказавшихся в различных государственных хранилищах, в общей сложности поступило шестьдесят семь писем Андреева к Горькому. Сам Алексей Максимович некоторое количество адресованных ему писем Андреева раздарил исследователям, журналистам и, по-видимому, собирателям автографов. Так, еще в 1931 году я обнаружил в коллекции ленинградского журналиста Н. Н. Пенчковского большую связку писем видных литераторов к Горькому, полученную собирателем в подарок от Алексея Максимовича, и в их числе оказались два содержательнейших письма Андреева (они были опубликованы в 1932 году во втором томе «Литературного наследства»). Три письма Андреева Горький подарил своему биографу И. А. Груздеву, которому так и не привелось их напечатать. Благодаря любезности Т. К. Груздевой, вдовы покойного исследователя, мы смогли впервые опубликовать и эти письма в нашем томе. Наконец, мы получили возможность ознакомиться с содержанием трех интересных писем Андреева к Горькому (не дошедших до нас в автографах) лишь потому, что они подверглись перлюстрации в «черном кабинете» Департамента полиции.

Часть писем Андреева к Горькому безусловно затерялась. Другая же часть утрачена навсегда. В конце 1913 года, поделившись с Горьким впечатлением от «прелюбопытного» письма Андреева, А. В. Амфитеатров получил такой ответ Алексея Максимовича: «...Андреев человек прежде всего чрезвычайно талантливый и по-

ГОРЬКИЙ и ЛЕО

ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

(Ялта. 2 ... 4 апреля 1900 г.)

Внимательно прочитав ваши рассказы, я с радостью могу сказать вам, что вы — даровитый человек и к вам можно предъявлять очень строгие требования в уверенности, что вы и в силе и можете удовлетворить их. Это отнюдь не только мое личное мнение — я очень многим лицам, понимающим толк в литературе, читал ваши вещи, и они всем нравятся.

Лучший ваш рассказ — «Большой шлем» и затем «Ангелочек». Хороши «Баргамот и Гараська» и «Из записной книжки капитана», но оба они испорчены вашим желанием писать остроумно и юмористически. Выходит же у вас не остроумно, а фельетонно и вычурно. Бросьте эту манеру и, пожалуйста, пишите проще. «Большой шлем» написан просто, и — вот почему он лучше других рассказов. Я уверен в вашей способности писать хорошо и большие вещи. С нетерпением жду присыла той вещи, о которой вы говорили мне на платформе в Москве.

Если вы дорожите собою, если вы желаете видеть себя настоящим, большим писателем, к чему у вас, говорю, есть данные,— бросьте писать фельетоны в «Курьере». Пишите рассказы. И не слушайте, ради бога, ничьих советов, не обращайте внимания ни на чью критику. Особенно не слушайте Гольцева[1], если вы с ним знакомы,— это ужасно тупой и бездарный человек — что, при желании, вы можете сказать ему прямо в глаза от моего имени. Не слушайте Ашешова[2], Фейгина[3] и вообще — никого, включая сюда и вашего покорного слугу.

Пишите, повинуясь лишь своему вкусу и впечатлению, своей душевной боли, своей мысли. Читайте хорошие книги — старые книги: Библию, Шекспира, Сервантеса, Гейне и т. д. Старайтесь держаться дальше от профессиональных литераторов—это дурные люди, изъязвленные самолюбием. Они ничего не могут дать вам. Идите сами — куда вас влечет. Тогда и ошибки ваши покажутся вам более легкими, и все будет лучше. Не надейтесь ни на кого, кроме себя. Ей-богу, вы талантливый парень!

Присылайте ваш рассказ о нитшеньянце. Но — вот еще совет — изображайте прежде всего людей, а не нитшеньянцев, не чиновни-

тому очень легко может написать «искреннее» и «экспансивное» письмо. Таковых и я имел немало, но счел за благо предать их огню, жалеючи будущего биографа Леонида — да не запутается в противоречиях непримиримых оный биограф».

Всего удалось собрать 181 письмо Горького и Андреева друг к другу. Эта переписка и занимает первую половину нового тома «Литературного наследства». А другую его половину составляют разделы: «Горький об Андрееве», «Андреев о Горьком» и «Воспоминания о Горьком и Андрееве». Для этих разделов впервые выявлены и использованы интереснейшие новонайденные материалы. Их поиски производились во многих архивохранилищах нашей страны.

Вторую половину тома открывает раздел «Горький об Андрееве», состоящий из трех частей. Это прежде всего замечательные воспоминания Горького об Андрееве — одна из самых высоких вершин русского мемуарного искусства. Этим своим творением Алексей Максимович особенно дорожил, но оно оказалось невключенным в 30-томное собрание сочинений писателя. Отсутствует там и его предисловие к американскому изданию романа Андреева «Сашка Жегулев», впервые публикуемое в этом томе на русском языке по автографу. Весьма содержательна третья часть этого раздела — подборка «Горький об Андрееве». Здесь читатель найдет отысканные не только в изданных, но и в неопубликованных письмах Горького с 1898 по 1935 год его высказывания об Андрееве. Всех таких высказываний удалось обнаружить около ста пятидесяти.

Следующий раздел, озаглавленный «Андреев о Горьком», объединяет две части: «Из статей Андреева» и «Из писем, автобиографий и интервью Андреева». В первой части приводятся шесть затерянных в периодической печати и ни разу не переиздававшихся статей Андреева. Пять из них были написаны в 1900—1902 годах, в период самых дружеских отношений писателей. Наиболее интересна подробная рецензия о постановке «Мещан» в Московском Художественном театре, напечатанная в 1902 году в газете «Курьер» со значительными цензурными изъятиями; она впервые публикуется по цензурным гранкам, разысканным в фонде Главного управления по делам печати при Министерстве внутренних дел. Во второй части этого раздела приводится свыше ста тридцати высказываний о Горьком, извлеченных из автобиографий, интервью и писем Андреева за период с 1899 по 1916 год.

Последний раздел тома знакомит с наиболее интересными воспоминаниями современников, которые видели Горького и Андреева вместе, имели возможность общаться с ними одновременно. Свои воспоминания по этому поводу написала по просьбе редакции «Литературного наследства» Екатерина Павловна Пешкова. Впервые печатаются мемуары журналиста А. П. Алексеевского, писателей И. А. Белоусова, А. А. Кипена, А. С. Серафимовича, революционерки В. Н. Кольберг и др. Всего в этом разделе печатаются воспоминания шестнадцати мемуаристов.

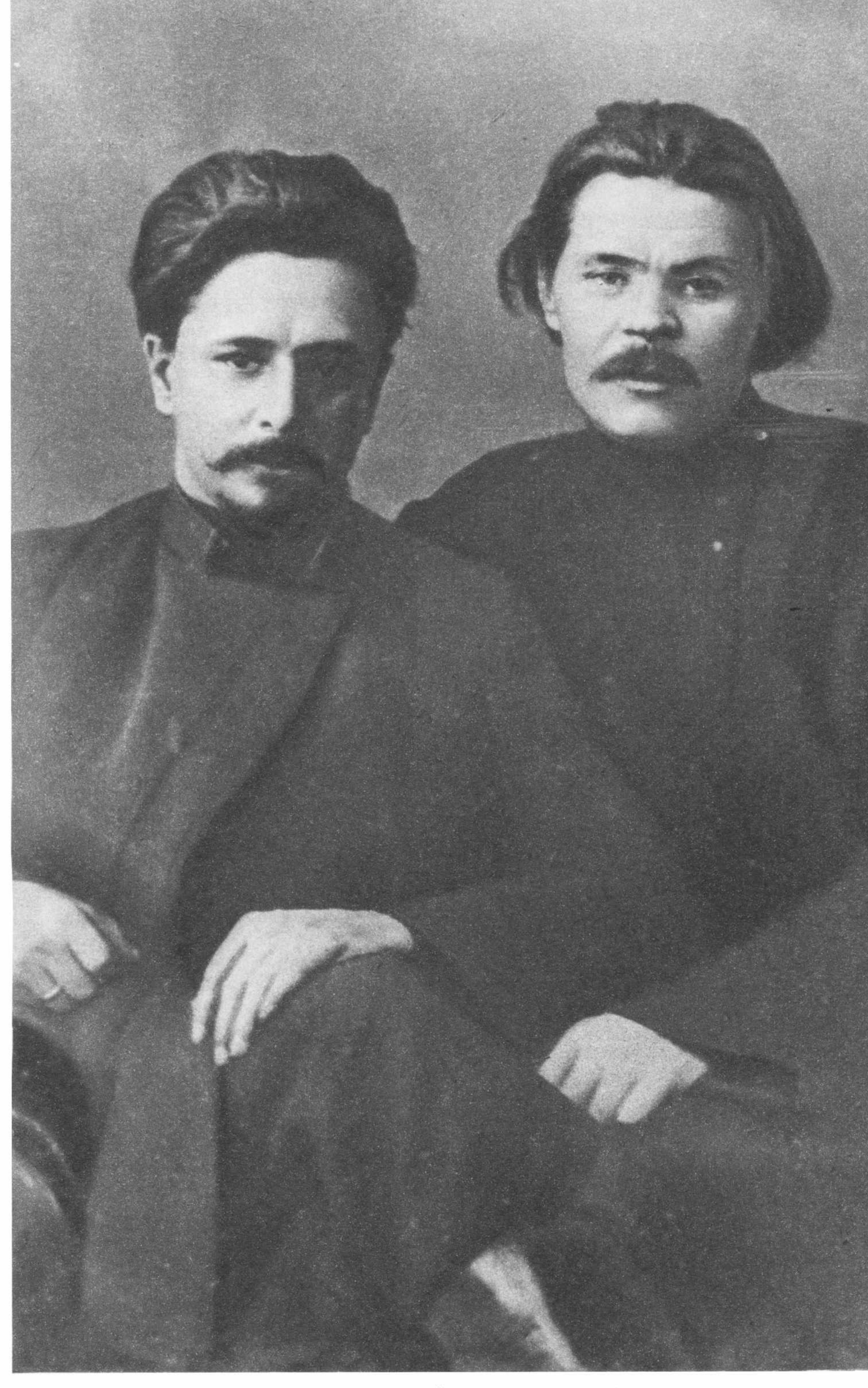
В целом материалы трех разделов второй половины тома являются ценными дополнениями к публикуемой переписке Горького и Андреева. В такой же степени многое в ней поясняют обстоятельные комментарии и библиографические справки, сделанные большей частью на неизданных источниках. Комментарии к переписке Горького и Андреева, а также к статьям Андреева о Горьком принадлежат В. Н. Чувакову, к остальным публикациям — А. И. Наумовой.

Работа по созданию этого тома проходила в тесном контакте с Архивом А. М. Горького, который предоставил нам ценные материалы.

* * *

Приводим несколько писем Горького и Андреева, до сих пор в печати не появлявшихся или известных лишь в небольших отрывках. (Подробные пояснения к упоминаемым в этих письмах лицам, фактам и событиям читатель найдет в 72-м томе «Литературного наследства», где полностью публикуется вся выявленная к настоящему времени переписка Горького и Андреева.)

И. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
член редколлегии «Литературного наследства», доктор искусствоведческих наук

Фотография М. П. Дмитриева, Нижний Новгород, 1902 г. Музей Горького, Москва.

НИД АНДРЕЕВ

ков, не радикалов, не несчастных. Все это — только внешность, главное же—человек. А он интересен и хорош помимо своего костюма— наряжен ли он в радикала или в консерватора. Он сам по себе — интересен. Крепко жму руку. Пишите — Ялта, мне.

А. ПЕШКОВ

ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

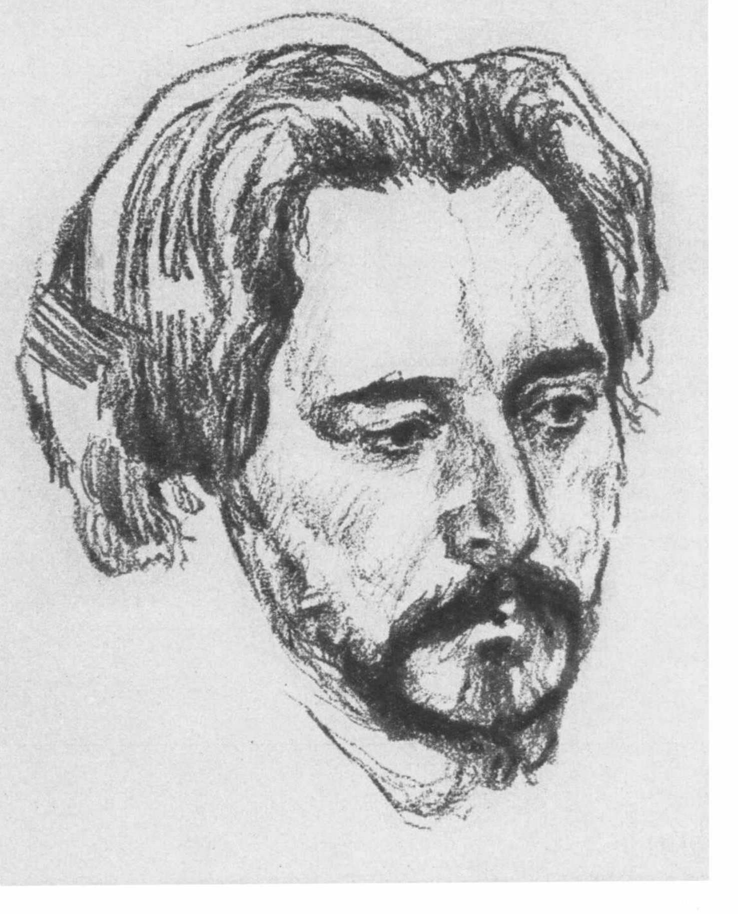
(Нижний Новгород. 1 ., 5 декабря 1900 г.)

Меня очень удручает ваша болезнь, а главное — ваше настроение. Я не знаю вас и не знаю, за что вы не любите себя, за что злитесь на себя? Я не «лекарь душ», но я думаю, что недостаток уважения к самому себе, заметный в вас, истекает из повышенных требований к самому себе, и, если это так — то это хорошо.

Кабы вы, дядинька, не на себя, а на других разозлились! Вот и был бы у вас неиссякаемый источник вдохновения и не относились бы вы к себе по-инквизиторски. Вы себя не мучайте, вас люди измучают. Тот же Гольцев и К° зададут вам феферу, облив душу вам всякой глупостью и пошлостью.

Грустно, что вы не пишете, ей-богу, грустно! Я прошу вас — кончите хоть один из четырех начатых рассказов! Голубчик, кроме работы, в жизни сей очень мало столь же ценных удовольствий. И не понимаю я — почему стыдно писать рассказы? Что есть рассказ? Содержание души некоего человека,— взгляды, мнения, радость, горе, любовь и ненависть некоей части мира, ибо человек часть мира, а может — весь мир. Всегда полезно людям знать, чем болеет и чему радуется, за что любит их и ненавидит за что данный описатель жизни их. Вы — боже избави!— не подумайте, что я вас поучаю! Не позволю себе этого. А есть что-то, что очень нравится мне в вас — вот и причина, почему я к вам привязываюсь.

Эх вы! Видел я вас тогда, у театра, с женщиной, которую назвали вы «лучшим другом своим». Взглянул на вас, на нее — позавидовал вам. Оба — красивые, оба — молодые. Я не знаю ваших с ней отношений и не догадываюсь ни о чем, не хочу, а мне просто приятно было видеть вас с ней, ее с вами. Красиво, дядинька! Встряхнитесь! К черту болезнь, и лень, и недоверие к себе — это тоже болезни.

АНДРЕЕВ.
Литография В. А. Серова.
Один из четырех существовавших оттисков портрета, 1907 г.
Собрание И. С. Зильберштейна, Москва.

А за дерзкое письмо простите меня. Я очень неуклюжий человек, но я человек искренний. Следует еще прибавить, что искренностью моей я иногда действую как обухом топора. Сейчас, я думаю, не произошло эдакого казуса?

Крепко жму руку и желаю бодрости духа.

А что вы из «Курьера» уйдете, то «Курьер» от этого сильно потеряет, вы же — нет.

До свидания, до Рождества. Очень жду вас. Женину рожу пришлю.

А. ПЕШКОВ

ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

(Нижний Новгород. 25 ... 27 сентября 1901 г.)

Книжка — вкусная. Это — настоящая литература.

Вы же — молодец. Прочитал я всю книжку и — выпил одну бутылку вина ценою в три целковых за ваше здоровье. Потом приятели пришли, почитали и — выпили еще несколько за русскую литературу.

Эх, Леонидушка! Мила-ай! Хорошее это дельце — писателем быть, особенно хорошо быть писателем в русской земле, и потому, браток, это хорошо, что уж очень скверно. И вообще — жить на земле большое удовольствие, и ничего приятнее такого занятия я не могу себе представить.

Драму? Великолепно! Удивительно хорошо и именно на эту тему! Надо писать! Надо хотеть написать и вы напишете. Вы — талантливое животное, вы напишете! Я чувствую это. Но — остерегайтесь быть умным. Достаточно быть талантливым для того, чтоб писать хорошо, и нужно чувствовать чем пахнет человеческая кровь, слеза, пот. Нужно ненавидеть несчастие и — не мирволить несчастным. Вы всё это понимаете. «Рассказ о Сергее Петровиче»—хорошая, умная и тонкая вещь,—представьте! Раньше это не нравилось мне, а теперь вот прочитал и сказал — ого! И «На реке». «На реке» очень хорошо. Да, сударь мой! Мне ужасно приятно и весело, ибо —вы славная фигура! Вы напишете драму и еще много значительных, хороших вещей. Это—факт. Вы—любите солнце. И это — великолепно, эта любовь — источник истинного искусства, настоящей, той самой поэзии, которая оживляет жизнь.

Вот я — я стал умнее, и с той поры мой талант тупеет. Но это — ничего. Вы, дядя, прекрасно задумали — валяйте драму.

Был Саблин[4]. Увалень. Но— попробуем, посмотрим что он устроит. Я сказал ему, что у вас есть рассказ и что вам нужно денег. Он понял, кажется. Ну, написал я драму. Нехорошо. Крикливо, суетливо — и пусто. Ничего! Напишу другую.

Очень хотел бы видеть вас.

Был Безобразов[5]. Приглашал. Я отказался. Редко встречаются столь глупые люди, как он, и никогда не видал я более невежественного профессора. Журнал, им затеянный, будет гробом для него, позорищем. Ну, бог с ним! Я люблю, когда человек делает что-нибудь смешное — серьезно и с любовью.

Крепко жму руку. А. ПЕШКОВ

Сказал начальству, что в Арзамас могу отправиться только по этапу, а по предписанию — не поеду. Постесняется отправить с конвоем — я выиграю. Не постесняется — тоже я выиграю.

Вот она, штука-то какая!

ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

(Нижний Новгород 1 ... 2 октября 1901 г.)

Леничка!

Новость! Будучи у меня, Вл. Ив. Немирович-Данченко сообщил мне, что он, по дороге из Москвы в Нижний, открыл нового и очень талантливого беллетриста, некоего Л. Андреева. Я сказал ему на это, что Леонид — фигура! И что он — Леонид — хочет писать пьесу. Разумеется — оба начали ликовать.

Теперь нужно вам, голубь мой, познакомиться с этим самым Владимиром Ивановичем. Нужно, я это знаю, он — тоже. Он — человек умный, искренний, со вкусом и знает театральное дело, как я — булочное. Нет, лучше, чем я булочное. Вы познакомьтесь. Надо. Немирович-Данченко может быть очень полезен.

О «Стене» мне говорил Саблер, не очень ясно. А я ее не видал, не получал и не читал. Жду.

Сдал предварительное испытание на чин драматурга. Что-то скажет государственный экзамен?

А. ПЕШКОВ

Здорово я фамилию подписываю?

ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

(Олеиз. 2 ... 4 декабря 1901 г.)

Славный мой дружище!

Если говорят о «дутой знаменитости»— стало быть начали завидовать: ergo,— как баяли латиняне,— скоро будут ненавидеть. А ненависть для хорошего писателя — суть перец, горчица и прочая необходимая приправа к перевариванию впечатлений бытия.

Мне бы очень хотелось, чтоб тебя ненавидели, да еще и очень, ибо, видишь ли, всякий раз, как только нос души моей чует запах ненависти — я становлюсь от этого и умнее, и талантливее, что необходимо и для тебя. И для тебя — даже больше, чем для меня. Ибо — славы я нанюхался — кисло пахнет слава в России!— а ты — еще нет. Бойся похвал паче всего, о, Леониде! Всякий раз, когда похвалу слышу, кажется мне, что она из уст сукина сына исходит, и потому сей сын меня хвалит, что боится он, несчастный, как бы я правду про него не сказал. Подозрительна похвала русского обывателя, привыкшего всем —от будочника до бога — взятки давать.

Сей совет да не обидит тебя, друг и товарищ. Еще скажу: молодежь любит тебя пока что — авансом, ибо кроме «Темной дали» вы, сударь, пока ничего ей не дали. По нынешним дням ей потребно жизнерадостное, героическое, с романтизмом (в меру). И — говорю серьезно — надо что-нибудь писать в таком тоне. Ибо — как-никак,— а в России совершается революция,— не та, при которой на улицах дерутся и королям головы отрубают,— а другая, более серьезная. Происходит развал того философского и этического базиса, на коем основано благополучие мещанства. Враги теперь не столько Грингмуты, Мещерские и К°, сколько штукатуры, замазывающие трещины старого сарая нашей жизни, сиречь гг. Меньшиковы, Розановы, Мережковские, Русские из «Русского слова» и другие сего благочестивого духа люди, коих проще назвать — сволочь Христа ради. Не настоящего Христа, а того церковно-полицейского, который рекомендовал воздавать богу и царю — поровну. Хотя я и настоящего Христа не одобряю (...) Бей, значит, проповедника любви Меньшикова, ибо он того ради, прохвост, любовь проповедует, чтобы его жизнь не беспокоила трагизмом своих противоречий. Бей мещанина! Ибо он любит везде воздвигать ограды. А впрочем я, должно быть, скучен и надоел тебе.

Телешову написал. Штука славная. Пошли свою книжку Евгению Николаевичу Чирикову[6]. Ярославль и больше ничего. Если нужно денег — спроси — нет ли у Пятницкого[7] твоих, а твоих нет — моих спроси. Напиши ему — женюсь мол!— он те задаст. Женившись — приезжай. Я запру тебя здесь в одно уютное место и ты — пиши, а жена пойдет гулять. Я не знаю ее, но у нее славное лицо и глаза. Мне хотелось бы, чтоб у нее был характер и чтоб она взяла тебя в руки.

«Набат»— великолепно! Очень великолепно. Но если Бенвенутто Челлини станет делать одни лишь броши для дам, да булавки кавалерам в галстухи,— надо бить Бенвенутто палкой по голове. Ты меня, брат, прости! Надо тебе шире развертываться, выше подпрыгивать. «Набат», говорю,— удивительно!— но «Стена», при всей ее туманности, внушает нечто большее.

Нашел «(Русскую) мысль», все «Русское богатство», ей-богу! Говорят, Н. К. Михайловский **сам** написал о тебе. Это, товарищ, не со всяким случается. И хотя со мной случилось, но — не особенно благоприятно для меня. Голос Николая Константиновича — как это ни смешно и ни нелепо, неестественно, плохо слышен теперь, но он сам человек заслуживающий и т. д. Пошли ему.

Для Муравьева[8] хорошая компания: Андреев, Чириков, Шестов, автор книги «Добро в учении Толстого и Нитче», Неведомский, автор предисловия к Лихтенберже и статей в «Начале», Василий Яковлевич Богучарский[9], беллетрист Серафимович, разумеется Поссе[10] и — кто еще? Не вспомню сейчас. Поссе — говорю для тебя — прекрасный парень. Это умница, организатор, горячее сердце, способное увлечь всякого человека. Я твердо уверен, что коли ты встретишься с ним, вы будете любить друг друга искренно и крепко.

Ну, теперь вот что, душа моя. Возьми у Фейгина денег и купи мне «Записки Волконского», декабриста, а купив — пришли. Пожалуйста, поскорее. Возьми еще денег и отдай переплести твою книжку и тоже пришли мне. Это мне нужно. Ты, черт, переплети на мои, я с тебя сдеру потом... Невесте — кланяйся. Невеста или не невеста? Не помню. Так приедешь? Жду.

А. ПЕШКОВ

Бах! Телеграмма из Киева — отравился и умер друг мой старый Ник. Васильев, старший лаборант Политехникума. Жена едет в Киев. Это мне —удар здоровый. Умер редкий человек, редкий.

АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

(Москва. 10 и 17 декабря 1901 г.)

10 декабря

Спасибо тебе, друг, за письмо. Совру, если скажу, что оно пришло не вовремя. От многих похвал хоть и не закружилась моя голова и не испытал я большой и идиотской радости — но случилось нечто худшее. Я стал трусить и мысленно приноровляться к тем, кто хвалит, чтобы не обмануть их надежд. Мне очень приятна известность и все то, что теперь со мной происходит, но никогда до сих пор я не писал для известности — а тут я мысленно стал творить именно для нее. И выходило не творчество, а паскудство. Меня

приласкали, погладили по головке и, скажу правду, на некоторое время купили мою свободу. Я садился за бумагу и чувствовал, что я уже не тот, что я не о правде своих слов думаю, а о том, понравится ли написанное тому-то и тому-то, и какими он глазами посмотрит, и не скажет ли: «похвалил я его, мерзавца, а он, гляди, что пишет». Я забыл, что хвалят меня как раз те самые, которые когда-то, вольно и невольно душили меня — а ведь и тогда **я** был **я**, человек с правом на жизнь и счастье. Разве я лучше стал, что меня хвалят? Я хуже стал; я потерял свежесть сердца, чистоту мысли, много веры потерял, силы, здоровья — а они хвалят. Они — те, кто отнял, они, кто не сумел дать. Столько лет на дне души копилась ненависть к жизни и ее творцам, а когда меня приласкали, дали немножко денег и успеха, ненависть растаяла и сделался я домашним писателем, как бывают домашние животные.

17 декабря

Пишу после долгого перерыва и наскоро, ибо занят анафемски.

Коротко: затмение прошло, на хвалы наплевал и обозлился. А тебе спасибо, ты говоришь верно, и я тебя люблю, Максимыч. Очень люблю — вплоть до сентиментального желания поцеловать твою небритую щеку. Ты рассердишься, а это правда, что лучшего человека, чем ты, я не видал, да и не увижу.

Волконского спрашивал в тот же день, как получил письмо — нет: все издание разошлось. Мои рассказы пошлю завтра, послезавтра, как только будут готовы.

«Трое» — замечательно хорошо! Когда читаю, верчусь в постели и не завидую — тебе завидовать нельзя, — а думаю: «и этот самый Максимыч мне друг. Важно!» Первый раз при чтении мне меньше нравилось — благодаря отрывочности, что ли.

Чирикову послал. Получил хороший ответ.

Пятницкий пишет о втором издании. 3000 разошлось.

Студенты решили бунтовать после Рождества. Трудно в такое время писать рассказы. «Набат» — отражение мною переживаемого. Скоро напишу «Бунт на корабле» — зарождение, развитие, ужас и **радость** бунта. Без слов, ибо я не знаю языка бунтующих: одни зрительные да звуковые ощущения.

Как только кончу «Мысль», пришлю тебе на просмотр.

«Мир божий» предлагает 150 рублей за лист.

Невеста очень тебе кланяется. Одно из ее достоинств — она любит тебя не меньше, чем я.

На днях (на) пишу осмысленно.

Жму твою хорошую лапу.

Твой Леонид А н д р е е в

Можно украсть у тебя для маленького рассказика:

«Эх! ты судьба ли моя черная,
Ты как ноша мне чугунная»?

ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

(Олеиз. 23 декабря 1901 г.)

Умница моя!

Пятницкий писал мне о необходимости второго издания. Он предлагает: добавить к первому 5—6 листов, назначить цену книжки — 1 рубль и поставить на ней — том первый. Это — умно и нужно, так что ты не противоречь, а давай во второе издание «Набат», «Мысль», «Бездну», «Старого студента» и — что еще есть у тебя? «Стену» — не печатай. Об этом я тебя прошу. Почему? А только потому, что для настоящего, самого ценного читателя — которого ты еще не знаешь, не видел наверное — «Стена» — пока — не ясна. Да я думаю, что и сам ты в скором времени будешь недоволен ею. Подержи ее, подержи! Это слишком важная вещь для того, чтоб торопиться выступать с нею.

Посылаю тебе очерк Скитальца «Рыцарь» и его стихотворение. Передай Фейгину для напечатания в «Курьер». Это наворочено грубо, но это — верно и — как хочешь! — это талантливо. Если Фейгин откажется печатать — будь добр, пошли рукопись Скитальца в «Знание» Пятницкому. Очень прошу — не забудь. Скоро выйдет книжка Скитальца, — хорошая будет книжка, оригинальная! Ты найдешь в ней много любопытного, целую большую душу, лишь дай себе труд внимательно прочитать ее всю сразу и не очень обращай внимание на сучки.

Константин Петрович сообщает, что от первого издания ты получишь порядочную прибыль. Я очень рад этому — как раз к свадьбе, верно? Вот что, милый Леонид, ты сделал бы превосходно, если б из церкви — сел в вагон и катнул сюда, ко мне. Помимо прибыли с первого издания, ты можешь взять еще рублей 500—700 авансом под второе, хотя я тебе не советую делать это. Женатому — ужасно много денег надо, ты это попомни! Ну, ладно, теперь пофилософствуем.

Даже и дружеской похвале не верь, т. е. — верь — если хочешь и можешь, — но не считайся с ней. Ибо — кроме тебя — нет судьи для тебя. Ты пишешь, что «похвалы на время купили твою свободу» — это дело мне знакомо, я ведь тоже не раз, незаметно для себя, продавался. А особенно — критике не внимай! Ни той, коя хвалит, ни той, коя хает.

Был я в Ялте третьего дня. Стою у пристаней и вижу — воз, нагруженный серым солдатским сукном, из которого осенью облака делают. Подошел к возу старый нищий, весь в лохмотьях, пощупал сукно пальцами и говорит извозчику: «А сукнецо-то дрянное!» — «Не тебе носить...» — сказал извозчик. — «Дрянное сукнецо!» — уверенно повторил нищий. — «Да тебе какое дело?» — говорит извозчик, — не для тебя сукно». — «Знаю, — сказал старик, улыбаясь, — знаю, что не мне... дак я его хоть обругаю...» Я думаю, Леонид, что старик этот — во дни своей юности был литературным критиком, а может быть он и теперь пишет критические статьи в каком-нибудь литературном приюте нищих духом. Лучшим критиком, на мой взгляд, всегда является беллетрист. Я, например, серьезно уверен, что никто не может написать лучше меня статьи о М. Горьком, и что если я напишу таковую, — очень немного останется в М. Горьком для поклонения публики. Дело в том, что можно относиться к самому себе вполне искренно, не уродуя своей души, не разжевывая себя, как гриб. «Трое» тебе нравятся? Зря. Скверно, душечка, написано это произведение — будем говорить по совести — скверненько. Вещица — однобокая. Видишь ли что: вся жизнь — все, что вокруг нас вертится и ревет, — все это сводится к одному: к борьбе раба за свободу, господина — за власть и свободу власти. В «Троих» это не показано. В течение жизни моей я стучал кулаками по многим истинам, чтобы узнать, что у них внутри, и все они звучали под ударами моими, как пустые горшки. Только вера — вот истина, дающая при ударе по ней звук живой и полный. В «Троих» это не показано. Вообще — эта книжка — как вообще все мои крупные задачи — не удалась мне. Наплевать. Я еще попробую. Вот и ты тоже — женишься, захочешь иметь детей и — непременно! — мальчика, и будешь ждать его с уверенностью, жадно. А родится — девочка.

Пишешь ты драму или нет?

Будь добр, ответь — приедешь ли? Пиши больше. Ты легко работаешь, и тебе надо много работать. Говорил о тебе с Толстым — не первый раз уже. Сегодня он у меня был и сам завел разговор. Очень хвалил «Жили-были», «Большой шлем», «У окна», «О Сергее Петровиче». В то же время сказал: «Есть анекдот о мальчике, который так рассказывал сказку товарищу своему: «Была темная ночь — боишься? В лесу выл волк — боишься? Вдруг за окошком — боишься?» Вот и Андреев также: пишет и все как бы спрашивает меня: «Боишься? боишься?» А я — не боюсь! Что, взял?» Много говорил похвального о чистоте языка и силе изображения. Великолепный старик! Приезжай, пока он не умер, — познакомишься.

Бери у меня «судьбу» и все, что тебе угодно. Кланяйся невесте, очень. Скажи, что я прошу ее уговорить тебя ехать ко мне.

Твой товарищ А. П Е Ш К О В

ГОРЬКИЙ.
Шарж В. В. Каррика.
Журнал «Леший», 1906 г., № 1.

АНДРЕЕВ.
Шарж В. В. Каррика.
Журнал «Леший», 1906 г., № 1.

АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

(Москва) 30 декабря 1901 г.

Раз-умница моя!

Читать твои письма — это чистое наслаждение, немногим меньше того, чем видеть тебя лично, ибо встаешь ты в своих письмах, как живой. В разговорах, в письмах, в рассказах — всюду ты один, самому себе равен, и есть именно ты, а не кто другой. Меня, который говорит по-одному, письма пишет по-другому, фельетоны строчит по-третьему, а рассказы валяет по-четвертому — это удивляет и наводит на некоторые, глупо-печальные размышления. Существуют писатели органические, которые могут быть только писателями (и пьяницами), и существуют писатели,

которые могут ими и не быть, а быть докторами, адвокатами, пьяницами, а **также** и писателями. Все равно, как цари-помазанники и президенты; был он пивоваром, стал президентом, а потом опять сделается пивоваром и будет пиво варить еще лучше, чем прежде. Ты первый, а я второй. И оттого я так часто трушу и одиноко вою; чтобы тебя столкнуть, нужна революция, а чтобы меня возвратить в первобытное состояние, достаточно одному избирателю поумнеть, а дюжине слегка поглупеть. И кончено.

Насчет критиков верно — или старички нищие духом, или еще хуже — тупые и самодовольные нахалы. (Кстати: один меня уличил в подражании М. Горькому — на основании посвящения, некто Битнер в «Научном обозрении»). Верно и то, что беллетрист лучший критик для другого беллетриста — но неверно, что для себя. И если бы ты написал статью о М. Горьком — это была бы самая неверная статья. Это был бы прекрасный рассказ о том, к чему стремился некий писатель М. Горький, чего он хотел и что у него вышло, но не статья. Наверное, и замысел Гете о Фаусте был неизмеримо выше «Фауста», и если бы тот стал критиковать себя, он заявил бы, что «Фауст» ничего не стоит. А он кое-чего стоит. И самое главное: человек никогда не видит своей оригинальности, ибо и глаза его оригинальны, и поверь, если бы ты ни разу не слыхал о себе ничьего постороннего, даже глупого мнения, ты до сих пор думал бы, что ты самый обыкновенный и неоригинальный человек.

«Трое» нравятся мне не безусловно. Задуманы они сильно — это видно сразу — исполнены слабо. Хуже всего Илья. Он должен был погибнуть, но ты погубил его на интеллигентный манер — он съел всего себя без остатка, как заправский Гамлетик, и когда мозги его вылетели из башки, в них уже ничего не оставалось путного. Он должен был стать силой, **темной** силой, так как ночью, во тьме, лилии не распускаются — но не тряпкой. Свое отчаяние о жизни он должен был вылить в отчаянные формы. Он прошел полосу буржуазного благодушия; он также должен был миновать полосу интеллигентного бессилия, а не застревать в ней. Ведь от него анархистом за версту пахнет. Силен яд, которым **наша** интеллигенция отравляет идущие снизу силы, но Илья должен был вынести его. Вынести — и всё отправить насмарку. Бессильное топтание Ильи на одном месте прямо злит меня. Ни протеста настоящего, ни злой критики — а просто обалдел человек.

Самое скверное, что интеллигентная гибель его не естественная, а насильственная. Почти полкнижки Илья растет у тебя, как дубок, и вдруг сразу — стоп машина! Закружился на одном месте, как подстреленный, рассыпался, как воз с интеллигентной рухлядью. Да тот ли это Илья?

Зло берет! Если бы он, как Моор, в разбойники пошел, и то было бы лучше, чем, по образу и подобию Раскольникова, кувыркаться перед самим собою и народом. Первое было бы правдой.

Находят сходство между ним и Фомой. Не знаю. На мой взгляд, он антитеза Фомы. Тот неминуемо должен был закончить тем, чем он у тебя закончил, а Илья — анархией. Фома родился большим, и вся его жизнь — роковое умаление, а Илья родился маленьким, и вся жизнь его — рост, синтез, воля, разными протоками сливающаяся в одно русло. Он должен был проглотить и Якова и Пашку, которым гибель на роду была написана, и претворить их страдания в кровь, и растолстеть от них так, что ни в одни ворота уже не пролезть, а нужно ломать стену по целому.

Весьма возможно, что все мною сказанное — глупости, и ты плюнь и уж, бога ради, к критикам меня не сопричисляй.

Нравятся мне «Трое» потому, что написаны удивительно, по-горьковски одним словом. Вольной кистью, а не кисточкой, которой глаза барыни подводят. Ширь, простор, и чисто весенняя острая свежесть. Будто не в комнатке при лампе писано, а лежал ты брюхом где-нибудь на высоте, над Волгой, глядел далеко, дышал крепко и рассказывал.

Теперь о делах. Добавить книжку думаю рассказами: «Набат», «В подвале» (слегка переработавши, ибо написана эта штука в один почти что присест, начисто, с усталой башкой), «Смех», «Петька на даче» (из старых; очень нравится Поссе); «Бездну» — и вот не знаю насчет «Стены». Мне она, ей-богу, нравится. Пошлю ее тебе, будь другом, просмотри еще раз — и реши. Мне думается, что она довольно ясна и читатель ее уразумеет. А поставить ее перед «Темной далью».

Скитальца рассказ ты уже видел в печати — искаженным лапою цензора. Но и при всем том — на многих воздействовал. Прислал он его мне на мою просьбу участвовать в «Курьере» (теперь я заведую беллетристикой). Стихи напечатаны ныне. Вообще будет печататься все, что он пришлет.

Про «Сквозь строй» можно сказать то же, что Тургенев, кажется, сказал про добролюбовские стихи: не беллетристика, но нечто лучшее, чем беллетристика. Душа — дай бог всякому такую душу!

Но счастья на роду Скитальцу не писано. Чувствуешь, почему?

Толстой очень премудро и ядовито привел рассказ о мальчике. Башка! Но неужели это так-таки правда; как тебе, Алексей, кажется? Очень радостно, что у тебя с ним, по-видимому, хорошие отношения; при всей... *

* Конец письма не сохранился.— **Ред.**

ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

(Берлин. 2... 5/15... 18 марта 1906 г.)

Что Савва [11] похож на меня — сие не суть важно, но что наши отношения «по причинам совершенно непонятным для тебя изменились» — это важно. И — печально.

Расходиться нам — не следует, ибо оба мы друг для друга можем быть весьма полезны — не говоря о приятном. Почему изменились твои отношения ко мне — не ведаю, а за себя могу, по правде, сказать вот что: сумма моих отношений к тебе есть нечто очень твердое и определенное, эта сумма не изменяется ни количественно, ни качественно, она лишь перемещается внутри моего «я» — понятно?

Живя жизнью более разнообразной, чем ты, я постоянно и без устали занят поглощением «впечатлений бытия» самых резко разнообразных, порою обилие этих впечатлений массой своей отодвигает прежде сложившиеся в глубь души — но не изменяет созданного по существу. Это очень просто. Вот и все, что я могу сказать тебе об «отношениях».

Скоро я отсюда уеду и уеду я тоже в Швейцарию — встречу ли я тебя где-либо? Очень хотелось бы прочитать пьесу! По получении сего сообщи на Ладыжникова[12], где будешь.

Я, по обыкновению, занят, как лошадь. Выступаю здесь в публичных чтениях и на частных банкетах, но — не стоит овчинка выделки, а посему недели через две я еду уже прямо в Америку. Хочешь вместе? Все равно, в Россию возвращаться тебе теперь невозможно, как ни верти. Жить там — негде.

Весной начнется отчаянная катавасия — это вне сомнения.

В Америке, конечно, еще хуже, чем в Пруссии. А — может, и лучше? Посмотрим.

Судишь ты обо мне не очень глубокомысленно. Я социал-демократ, потому что я — революционер, а социал-демократическое учение — суть наиболее революционное. Ты скажешь — «казарма»! Мой друг — во всякой философии — важна часть критическая, часть же положительная — даже не всегда интересна, не только что важна.

Анархизм — нечто очень уж примитивное.

Отрицание ради утверждения абсолютной автономии моего «я» — это великолепно, но ради отрицания — не остроумно. В конце концов — анархизм мертвая точка, а человеческое «я» суть начало активное — даже в самом отрицании такового, и иным быть не может, что доказано индусами.

А пьесу прочитать интересно.

Сижу я около Берлина, сочиняю политические письма к Европе и учусь говорить по-немецки. Язык — нравится. Точный язык. Сегодня я узнал, что такие собственные имена, как принц, князь, дурак, бык — одного и того же склонения.

Читал я тут в театре — был принц и аплодировал мне. И Бюлов аплодировал. Сие приемлю с удовольствием и отплачу — прежестоко. Заграница дает вообще очень много, и я доволен, что уехал из России, где меня ожидала тюрьма и процесс, который мог кончиться не особенно приятно. Когда ворочусь из Америки — сделаю турне по всей Европе — то-то приятно будет!

А ты — живи здесь. Ибо в России даже мне стало тошно, на что выносливая лошадка. Главное, неприятное и даже отвратительное — это люди либеральных убеждений. Человек либеральных убеждений — это средина туловища, включительно с той его частью, которую, живя в культурной стране, я не решусь назвать вслух.

Засим — до свидания. Брось думать об «отношениях». Если в лесу стоят два дерева выше других — как бы далеко они ни стояли друг от друга — все равно они будут кивать одно другому головами в бурю, они будут видеть друг друга и в тихую погоду. И днем, и ночью.

Пожми руку Александры Михайловны — очень милого и хорошего человека, коему кланяюсь. Маруська, мой язык и секретарь, напишет особо.

Addio!

ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

(Адирондакс. Июль — август 1906 г.)

Вот ты говоришь в шхерах бурь нет — чего еще надо?

Счастливцы вы, русские, делаете революцию у себя дома, на своем родном языке, а вот я — через переводчиков. Неудобно, а все-таки действует.

Мой друг, Америка изумительно-нелепая страна, и в этом отношении она интересна до сумасшествия. Я рад, что попал сюда, ибо и в мусорной яме встречаются перлы. Например, серебряные ложки, выплеснутые кухаркой вместе с помоями.

Америка — мусорная яма Европы. Сюда теперь едут люди, оставившие душу, ад-то дома. Уже нет того эмигранта, который ловил тигров за хвосты и на скаку откусывал хобот у слонов.

И нет слонов — их никогда не было. Тигры же — Скитальцевой работы.

Голубчик мой — я могу написать об Америке десять томов по 500 страниц и — ни одного слова доброго! Подумай, как это несправедливо и как хорошо!

Русская революция — если посмотреть на нее даже издали — великолепная революция!

Она заварилась надолго. Мы с тобой однажды умрем, и умрут все попы и все певчие,

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В. А. Гольцев — либеральный публицист и критик, член-редакции московской газеты «Курьер», в которой вел отдел «Литературные отголоски».

2 Н. П. Ашешов — критик, работавший в газете «Курьер».

3 Я. А. Фейгин — официальный издатель газеты «Курьер»; в те годы в ней сотрудничал Андреев.

4 В. М. Саблин — врач, литератор, издатель; в следующем письме речь идет о нем же (Саблер).

5 П. В. Безобразов — историк; приглашал Горького сотрудничать в организуемом в Москве журнале «Правда» (это издание не состоялось).

6 Е. Н. Чириков — писатель и публицист, печатавшийся в сборниках «Знание»; в 1901—1909 годах «Знание» выпустило собрание сочинений Чирикова в восьми томах.

7 К. П. Пятницкий — основатель и руководитель книгоиздательского товарищества «Знание»; под этим названием он выпускал совместно с Горьким литературно-художественные сборники.

8 Н. К. Муравьев — московский ад-

кои будут служить литии о нас, а она все еще будет жить. Факт. Ты увидишь.

Теперь мы, русские, потащим мир вперед, а старая сводня Франция будет говорить:

— Ах, когда я была молодая, то я тоже однажды отколола у короля голову...

И, подумав, прибавит, стерва:

— Но не помню — зачем я это сделала...

И немец, за которого она выйдет замуж, скажет ей философски:

— Ты была молода — и потому делала глупости. Я никогда не был молод и потому люблю своего кайзера, хотя у него одна рука сухая и из уха что-то течет.

Я здесь все видел — М. Твена, Гарвардский университет, миллионеров, Гиддингса и Марка Хаша, социалистов и полевых мышей. А Ниагару — не видал. И не увижу. Не хочу Ниагары.

Лучше всего здесь собаки, две собаки Несто и Дёори. Затем — бабочки. Удивительные бабочки! Пауки хороши. И — индейцы. Не увидав индейца,— нельзя понять цивилизацию и нельзя почувствовать к ней надлежащего по силе презрения. Негр тоже слабо переносит цивилизацию, но негр любит сладкое. Он может служить швейцаром. Индеец ничего не может. Он просто приходит в город, молча, некоторое время смотрит на цивилизацию, курит, плюет и молча исчезает. Так он живет и когда наступит час его смерти,— он тоже плюется, индеец!

Жизнь — прекрасна, мой друг, вот что внушает индеец. Ты видел Галиена? Это надо посмотреть. В нем есть индеец.

Еще хороши в Америке профессора и особенно психологи. Из всех дураков, которые потому именно глупы, что считают себя умными, эти самые совершенные. Можно ездить в Америку для того только, чтоб побеседовать с профессором психологии. В грустный час ты сядешь на пароход и, проболтавшись шесть дней в океане, вылезаешь в Америке. Подходит профессор и, не предлагая понести твой чемодан,— что он, вероятно, мог бы сделать артистически,— спрашивает, заглядывая своим левым глазом в свою же правую ноздрю:

— Полагаете ли вы, сэр, что душа бессмертна?

И если ты не умрешь со смеха, спрашивает еще:

— Разумна ли она, сэр?

Иногда кожа на спине лопается со смеха.

Интересна здесь проституция и религия. Религия — предмет комфорта. К попу приходит один из верующих и говорит:

— Я слушал вас три года, сэр, и вы меня вполне удовлетворяли. Я люблю, чтобы мне говорили в церкви о небе, ангелах, будущей жизни на небесах, о мирном и кротком. Но, сэр, последнее время в ваших речах звучит недовольство жизнью. Это не годится для меня. В церкви я хочу найти отдых... Я — бизнесмен — человек дела, мне необходим отдых. И потому вы сделаете очень хорошо, сэр, если перестанете говорить о... трудном в жизни... или уйдете из церкви...

Поп делает так или эдак, и все идет своим порядком.

Но я больше не могу писать, хотя пишу с удовольствием. Иногда надо уснуть, однако.

До свидания, если тебя не испортят из пушки!

Кланяюсь милой Александре Михайловне. Ты не написал о ней ни слова.

Все здоровы.

Addio!
А.

вокат и общественный деятель, принимавший участие в тогдашней литературной жизни.

[9] В. Я. Богучарский (Яковлев) — либеральный политический деятель, историк русского революционного движения.

[10] В. А. Поссе — публицист и общественный деятель, в 1898—1902 годах — член товарищества «Знание».

[11] Имеется в виду пьеса Андреева «Савва».

[12] И. П. Ладыжников — участник революционного движения, издатель, друг Горького.

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

СО СКОРОСТЬЮ 80 КИЛОМЕТРОВ

Трюк, который вы видите на снимке, выполняют два француза. Один ведет автомобиль на двух колесах со скоростью 80 километров в час, другой в это время на прикрепленной к машине лестнице делает стойку.

ОПАСНЫЙ КАНДИДАТ

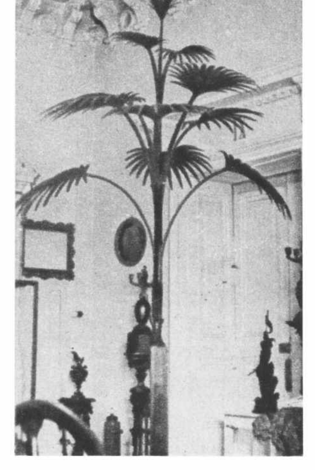
На страницах газеты «Фигаро» не так давно появилось такое объявление: «Хочу бросить курить. Поэтому ищу работу на складе бензина или взрывчатки».

БАР И ПИШУЩАЯ МАШИНКА

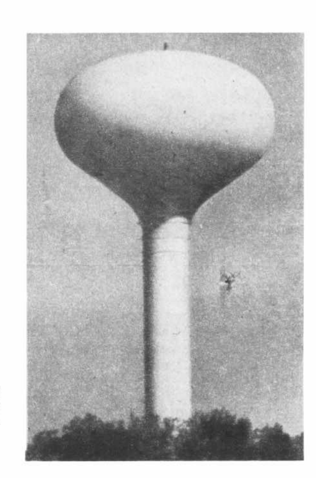
Хозяин одного из баров в Стокгольме заказал специальные пластинки с записью стука пишущих машинок. Под их аккомпанемент завсегдатаи бара вечером звонят по телефону своим женам и ставят их в известность, что из-за большой занятости на работе они не скоро смогут вернуться домой. Жены, слыша голоса мужей на фоне треска пишущих машинок, не протестуют и даже просят не переутомляться.

ЖЕЛЕЗНАЯ ПАЛЬМА

Перед вами на фотографии пальма, выкованная из куска железа. Она демонстрировалась в 1896 году в Нижнем Новгороде на Всероссийской выставке, которую посетил А. М. Горький. Долго любовался Алексей Максимович железной пальмой и потом сказал, что это — чудо рук человеческих.

Шедевр кузнечного мастерства дожил до наших дней. Пальма хранится в Горном музее Ленинграда. Долгое время не знали имени автора этого уникального изделия. Было известно только, что пальму сделали на Юзовском заводе в Донбассе. Сейчас исследователи установили имя творца. Им был русский кузнец А. И. Мерцалов, которому помогал в работе Ф. Ф. Шкарин.

ХОККЕЙ ПОД ВОДОЙ

Входит в моду новый вид спорта — хоккей под водой. Эта игра находит распространение в США и Канаде. В поединке под водой дозволено снимать с противника баллон с воздухом, что заставляет его сразу же всплыть на поверхность.

ГРУША ▲

Этот грушевидный резервуар построен в США. Он вмещает один миллион галлонов воды.

ДОМ КОНТРАСТОВ

В дореволюционное время в Москве существовал дом, в котором одновременно помещались казенная винная лавка, чайная, библиотека-читальня общества трезвости и, наконец, лечебница для алкоголиков.

МЕЛОЧИ

ЧЕТЫРЕХКРАТНОЕ ТОРЖЕСТВО

Четвертого февраля в американской семье из города Винчестера, которая изображена на фото, большой праздник. В этот день, но в разные годы родились все четверо детей.

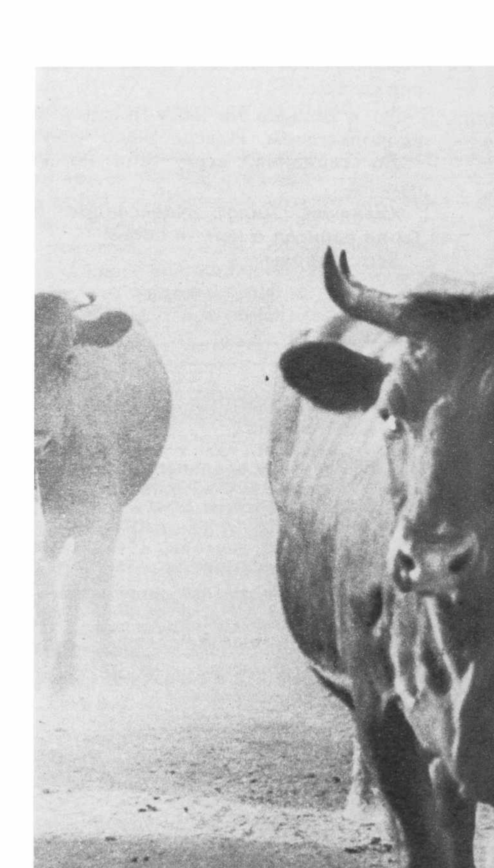

Их восемь, самых дружных...

Фото А. БОЧИНИНА.

ПЕСНЯ НА ФЕРМЕ

Откричали зарю третьи петухи. Белые туманы сползают к берегу, белые халаты мелькают возле коровника, белопенное молоко вызванивает в подойниках... Так начинается утро в запорожском совхозе «Коммунист». Это очень нелегко — встать в июне вместе с солнцем, успеть подоить коров до прихода пасту-

Песня уходит на ферму.

хов. Но девчата, как всегда, улыбчивы и скоры на руку. Гремят бидоны, урчит мотор молоковозки, там и тут слышны ласковые голоса доярок — это они разговаривают со своими любимицами. А когда коров угонят, девушки возвращаются домой, и обязательно кто-нибудь из них заведет песню. Так уж всегда. Возвращается песня в совхоз, и тогда просыпаются улицы, скрипят калитки, выходят на работу механизаторы.

В совхозе «Коммунист» много хороших доярок, но восемь из них самые дружные, самые работящие. Это Валя Литвиненко, Ира Королько, Лена Карпачева, Валя Никитенко, Аня Куц, Вера Онищенко, Майя Медведь и Клава Сочинева. Все комсомолки, все хохотушки и чудесные песенницы. Что ж, что работа у них нелегкая, зато почетная! Они гордятся своей профессией, даже в собственной песне о космонавтах лукаво напоминают и о себе:

Вам, Беляев и Леонов,
Будет слава на века,
Пусть помогут космонавтам
Наши тонны молока!..

А молока в совхозе и вправду многие тонны. Бежит молочная река среди пестрого и душистого разнотравья. В июне долгий день, и долго в июне пасутся коровы. Но вот стадо возвращается — и снова уходит песня из поселка на ферму. Это девчата, восемь подружек, пошли на вечернюю дойку. Наползают белые туманы, мелькают белые халаты, белопенное молоко тяжело полнится в бидонах...

Утро в совхозе «Коммунист».

«Лебединое озеро».

НОВОСИБИРСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ

Д. УХТОМСКИЙ

Свой первый «академический» сезон коллектив Новосибирского театра оперы и балета рассматривал как своеобразный творческий отчет. Первые гастроли театр дал в промышленных центрах Сибири — Кемерове, Новокузнецке, Прокопьевске, Барнауле... С успехом выступали и на театральных подмостках четырнадцати государств, пяти континентов.

Мы на репетиции. Огромный зал темен и тих. Лишь один рабочий софит освещает пустую сцену. Впереди у рампы—двое в черном трико. Это балетмейстер Олег Виноградов и Никита Долгушин — будущий Ромео.

Только что закончился прогон первого акта прокофьевского балета. Сейчас десятиминутный перерыв. В зале сидят еще три Ромео и четыре Джульетты. Театр готовит сразу пять Ромео и пять Джульетт — размах поистине сибирский!..

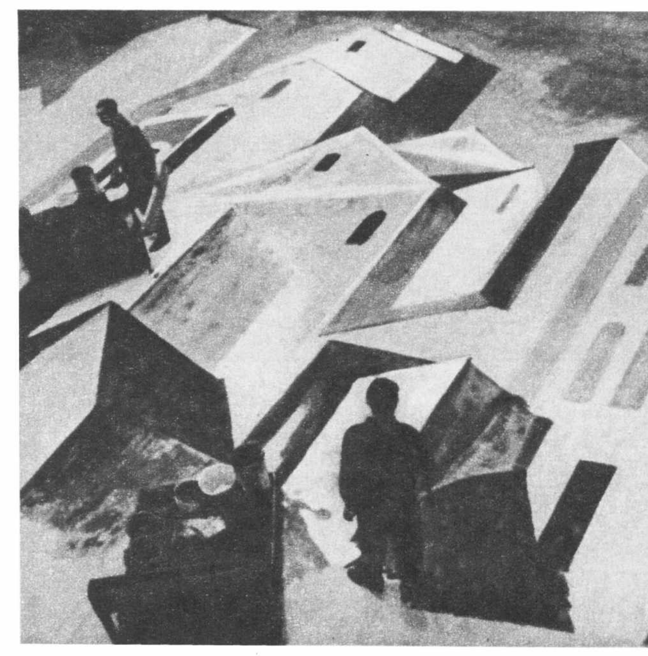
Я задаю традиционный вопрос директору театра Семену Владимировичу Зельманову:

— Чем знаменателен ваш первый академический сезон, каковы ваши планы?

— Главную ставку театр, как и прежде, делает на молодежь. Вы видите сейчас самого молодого в Союзе балетмейстера: Олегу Виноградову 25 лет, но это уже его третья постановка. Он талант-

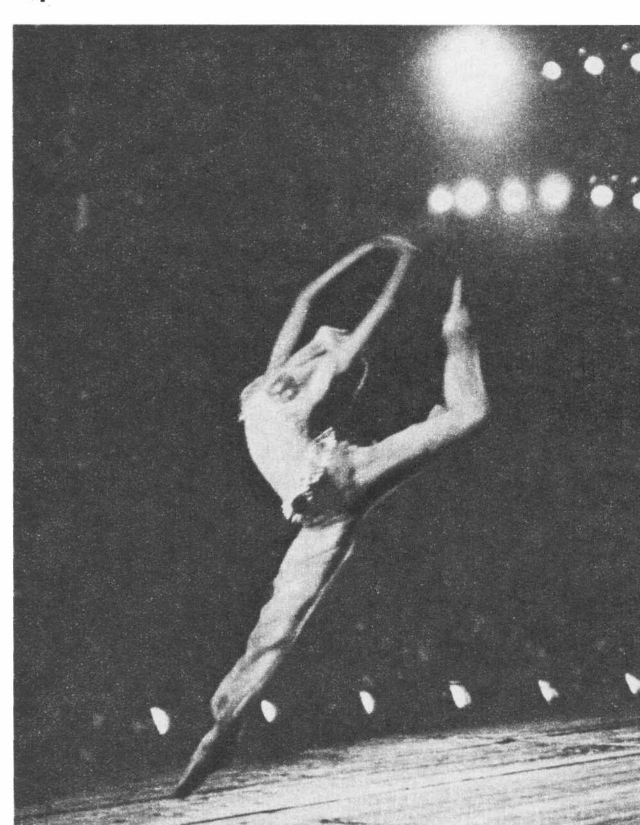
Дирижирует Борис Грузин.

Художники-декораторы готовят оформление балета «Ромео и Джульетта».

Зарема — Рита Окатова.

Кармен — Нина Афанасьева.

Балетмейстер — Олег Виноградов.

«Пиковая дама». Томского поет Н. Дмитриенко.

лив, полон творческих замыслов. Говорить о Никите Долгушине, с которым он сейчас репетирует Ромео, я думаю, не надо. Несмотря на молодость, его имя обошло уже страницы газет и журналов, а золотая медаль на международном конкурсе артистов балета говорит сама за себя.

Художник спектакля Валерий Левенталь всего год назад окончил ВГИК, но уже сделал серьезную творческую заявку в театре. Молодые певцы Нина Афанасьева и Николай Дмитриенко с успехом выступили перед московскими зрителями на сцене Большого театра СССР в «Кармен» и «Евгении Онегине». И, наконец, серебряная медаль Алексея Левицкого на международном конкурсе вокалистов в Варне и золотая медаль Андрея Федосеева на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки...

У нас установилась традиция — регулярный просмотр новых партий и ролей, подготовленных молодежью. После одного такого показа появилась новая солистка балета — Рита Окатова. Москвичи аплодировали ее исполнению роли царицы Бану в балете «Легенда о любви». Сейчас Рита с не меньшим блеском показала себя в «Бахчисарайском фонтане» в роли Заремы.

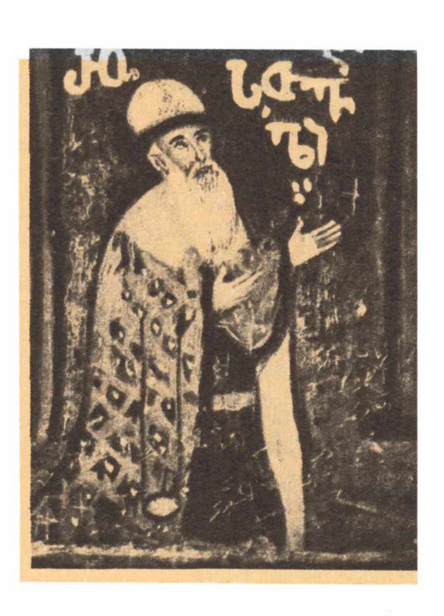
...Вечером в театре волнение — заболел главный дирижер — под угрозой «Хованщина». И тогда вести спектакль поручают самому молодому дирижеру Борису Грузину.

На меня смотрят совсем юные, мальчишечьи глаза.

— Я вчерашний студент Московской консерватории, а сегодня дирижировал двадцать вторым спектаклем. О чем еще можно мечтать!..

Н. МИКАВА

Фреска из легенды

I

В Иерусалиме, в прекрасном оливковом саду, существует один из самых замечательных памятников грузинского зодчества в Палестине — Крестовый монастырь. Храм воздвиг известный деятель XI века Прохоре Шавшели... Предание гласит, что прах Руставели покоится под одной из колонн, поддерживающих свод этого храма.

Известный грузинский путешественник XVIII века Тимоте Габашвили писал, что на стене Крестового монастыря было изображение Шота Руставели, неведомый портрет поэта был также описан в XIX веке профессором Петербургского университета А. Цагарели.

Прошло сто лет... И еще многие годы канули в Лету, и портрета Руставели в этом храме никто больше не видел, не говорили и о его могиле. Чья-то рука замазала изображение Шота, кто-то постарался уничтожить источник, питающий легенду о могиле.

Мысль раскрыть тайну Руставели не давала покоя поэту Ираклию Абашидзе; он грезил о могиле Шота. Его решение поехать в Палестину, собрать достоверные сведения о Руставели, а может быть,— кто знает, все ведь возможно — привезти останки поэта из далекого Иерусалима, из мглы веков,— было непоколебимо. Если к восьмисотлетию со дня рождения прах поэта будет перенесен на родную землю...

И вот Абашидзе со своими товарищами, Акакием Шанидзе и Георгием Церетели, в главном храме Крестового монастыря, перед той колонной, на которой могла быть предполагаемая фреска.

Палестина — один из самых блистательных очагов грузинской культуры за границей, где остались памятники — шедевры грузинского искусства и литературы. Начиная с IV века в Иерусалиме грузинам принадлежало до сорока монастырей и храмов, лавры и гостиницы... Среди них и монастырь с двумястами семьюдесятью комнатами, где, говорят, провел последние свои годы Шота Руставели. Здесь, по преданию, хранилась реликвия — корень дерева, из которого был сколочен крест Христа. Стены храма были покрыты когда-то прекрасными фресками и грузинскими надписями... Новые хозяева замазали фрески, тщательно стерли грузинские надписи. Но все-таки осталось несколько грузинских надписей, в том числе стальной диск в центре храма. Грузинская надпись на диске гласит: «Стойте твердо, непоколебимо».

После долгих усилий Абашидзе и его товарищи уговорили сопровождающего их монаха. Бережно сняли верхний слой белой краски, и — о чудо! — перед взором предстала фреска — портрет Шота Руставели, о котором писали когда-то грузинские путешественники... На этом портрете — или, как ут-

верждают некоторые, автопортрете — великому поэту под семьдесят, он в одеянии знатного вельможи.

Шота Руставели!.. Вот он, витязь, ученый, философ, великий поэт... Но кто он, почему так упрямо молчит о нем история?!

II

Недалеко от Кутаиси, на одной из высоких гор, Давид-Строитель возвел Гелатский монастырь. Он и сейчас высится там, это замечательное творение грузинского зодчества, как нетронутая пергаментная страница истории. Здесь же Давидом-Строителем была основана академия. В этой академии, в Гелати, преподавали и творили замечательные философы, почти все они вышли из Месхети и с Черноморского побережья Грузии. Есть предположение, что Месхети — очаг культуры и передовых идей — был родиной и Шота Руставели. Прекрасный гимнаст, охотник, художник и поэт, он с малых лет проявлял интерес к философии, любил читать, разбирался в старинных рукописях... Еще юношей он уже был победителем на многих поэтических турнирах.

Это и решило его судьбу. Шота отправили в Гелати. Шота учился живописи у лучших художников Грузии.

Иногда ночами подолгу простаивал он на крепостной стене монастыря и задумчиво смотрел вниз. Там, в синеватой дымке, по берегам бурной Риони, расстилалась богатая колхидская долина. Вероятно, по этой солнечной реке плыл Язон за золотым руном.

Шота с детства полюбил море, много читал о мореплавателях, изучал греческих историков, так часто посещавших Колхиду. Еще там, у Черного моря, начал он писать стихи.

Юноша из Месхети не был монахом. И хотя настоятель академии и не отличался суровостью, все же ненасытное жизнелюбие Шота порой пугало наставников...

...В честь окончивших академию ученых витязей был объявлен турнир, на который приехала молодая царица Грузии — Тамар... Легенда гласит, что на турнире победил Руставели.

Царица собственноручно увенчала его голову золотым лавровым венком и протянула ему руку для поцелуя. Руставели получил приглашение во дворец — быть придворным поэтом царицы...

III

Жизнь при дворе была богата событиями. Здесь талант Руставели мог получить широкое, всестороннее развитие, его гений питался античной культурой, поэтическими и философскими творениями эллинов.

К этому времени Грузия достигла вершин самобытного культурного развития. Философская школа Иоанэ Петрици отличалась независимостью мысли, широтой мировоззрения.

С каждым днем все шире, все глубже становился кругозор поэта-философа. Его талант развивался в окружении больших поэтов и мыслителей того времени.

Дни проходили быстро: бесчисленные дарбазоба[1] и турниры, государственные советы и совещания, охота и путешествия по стране, народные празднества и карнавалы — кееноба...

Зимние ночи — правда, их немного в его теплой стране — Шота проводил за любимыми занятиями: читал, писал стихи... Пока не догорала последняя свеча и ультрамариновый рассвет не заглядывал в окно его жилища... А любовь, глубокая и безмолвная, любовь к той, которая озаряла животворящим светом его и Грузию, с каждым днем росла и ширилась.

И вот однажды...

Это было на охоте, в окрестных лесах древней столицы Грузии — Мцхеты. После церковного праздника Свети-Цховели царица объявила охоту и с отрядом амазонок, сопровождаемая Руставели, верхом помчалась туда, где сливаются воедино воды степенной Куры и бурной Арагви.

Вдруг Тамар остановила своего скакуна. Она с восхищением глядела на высокую гору, вершину которой украшал храм Джвари.

— Я преклоняюсь перед зодчим, нашедшим такое решение для своего творения... Это не храм, а продолжение горы, ее вершина...— сказала Тамар.

— Венец ее...— добавил стоящий рядом Шота.

— Ты прав, мой поэт, именно венец! — заметила она и устремилась в лес.

Шота догнал ее. Они ехали рядом.

— Расскажи сказку, Руставели! — нарушив молчание, сказала царица.

— Какую, царица моя?

— Самую короткую...— не глядя на него, как бы про себя ответила она.

Шота задумался, а потом, прищурив глаза, начал:

— Это будет печальная сказка: «У одного царя была дочь неописуемой красоты. Из многих стран приезжали к ней рыцари, юные царевичи, чтобы завоевать ее любовь, но тщетно... Царевна решила выйти замуж за того, кто понастоящему полюбит ее и кто вызовет взаимность в ее сердце.

В одном зале дворца стоял малахитовый столик с небольшим хрустальным кубком, наполненным слезами царевны. Слезы переливались в кубке прозрачнее утренней росы.

Ищущий руки царевны должен был, стоя перед кубком, сочинить стихи о любви. Предание гласило: если стихи будут искренними, слезы в кубке закипят и искатель руки царевны в волнении опрокинет кубок при ее появлении.

Время шло, слезы в кубке не закипали, и царевна не выходила замуж. Надоели царю капризы дочери, и он приказал запереть ее за девятью замками.

Печаль воцарилась во дворце. Как ни старались прислужницы развлечь царевну, она была безутешна в золотой клетке.

И вот однажды она решила написать свой портрет. Села перед зеркалом и на бумаге изобразила свое лицо. Трудно было угадать, что прекраснее: сама царевна или ее изображение. Портрет она привязала к шее голубя и выпустила его из окна.

За семью государствами жил поэт. Камни — и те, казалось, плакали, слушая его песни. Но поэт ждал настоящей любви, и все труднее было ему сочинять стихи без подлинного чувства. Наконец вовсе умолкли его струны, и скорбь одолела его.

И вдруг неожиданно белый голубь из неведомой страны принес ему портрет красавицы. Пламенем любви загорелось сердце поэта, и решил он пуститься на поиски незнакомой девушки.

Долго ли, нет ли шел он и пришел в известное нам государство. Здесь он узнал о странной жизни царевны и ради забавы решил попытать счастья,— не знал он, что царевна была той, которую он искал!

Множество людей собралось в назначенное время. Какой-то неизвестный, бедный поэт хотел завоевать сердце царской дочери!

Поэт подошел к столику, на котором стоял кубок. Вспомнил он о портрете, запел песню, подобной которой не слышал еще человек, и слезы в кубке закипели. Появилась царевна. Поэт взглянул на нее и оцепенел: это была она!

Он шагнул к ней, но мрак окутал его глаза, и он ослеп, оттого что кубок с кипящими слезами не был опрокинут.

Несмотря на гнев отца, царевна все же вышла замуж за своего слепого поэта. Она любила его и не могла поступить иначе. Царь изгнал их из своего государства, и они стали бедными, но счастливыми, потому что любили друг друга...»

Тамар не сказала ни слова. Воцарилось неловкое молчание, и вдруг откуда-то донесся крик совы. Днем — крик совы!

Конь царицы рванулся вперед, Руставели догнал солнцеликую и замер: на ее глазах, как алмазы, повисли две слезинки.

— Зачем ты рассказал такую сказку, разве ты не знаешь...— прошептала царица.

Шота побледнел. Конечно, он знал, он все знал. Он понял свою ошибку. Как мог он поступить так неосторожно!

Ее отец—могущественный царь Георгий III — невзлюбил своего племянника Демна за то, что тот посмел заикнуться о женитьбе на единственной дочери царя — Тамар. Георгий заточил ее в крепость; царевич Демна, наследник престола, объединив сторонников, попытался отстоять свои права. Но Георгий разбил его и ослепил... Тамар и Демна с детства любили друг друга...

— Простите, моя царица, простите! — И он поцеловал руку, руку той, которую полюбил давно и на всю жизнь.

— Я знаю, ты любишь... Но забудь меня, если можешь... Как царица, я не имею права распоряжаться своими чувствами... Как женщина... я мертва для любви... Я не хотела причинить тебе боль...

— Верю, моя царица!

Долго они ехали молча, пока Тамар не нарушила молчание.

— Поезжай в Грецию, в Афины, набирайся знаний... Ах, если бы я не была царицей, если бы я не носила тяжелый венец! С какой радостью посетила бы я солнечную Элладу, родину Гомера, страну языческой радости и жизнелюбия... Пользуйся возможностью! Путешествие—это тоже бессмертие... Поверь мне, мое счастье не больше твоего.

— Я выполню желание моей госпожи,— произнес Руставели.

— И еще одна просьба у меня к тебе... Чувство свое перенеси на пергамент. Напиши книгу о любви.

— Я это сделаю, моя царица,— несколько раз повторил Шота...

IV

...Руставели приехал в Грецию. Встреча с ней была великим душевным праздником для него.

Шота начал жадно изучать живопись, скульптуру.

Прошли годы. Руставели, мудрый философ и поэт, красавец витязь и остроумный собеседник, узнавший и увидевший много нового, вернулся в Грузию. Он научился смирять свой горячий темперамент, вспыльчивость, а это одно из самых больших достоинств великих людей и Человека.

Но Грузия стала иной: неимоверно расширившаяся в своих границах, сильная, тщеславная, гордая. Руставели показалось, что она стала и немного холодной. А может быть, это только показалось ему? Ведь он был встречен с восторгом и обласкан, его призвали ко двору. И странствующий поэт вновь стал придворным поэтом. Страной правила женщина, покровительница поэзии и искусства; аристократы Грузии окружали себя людьми искусства, устраивали состязания странствующих поэтов.

Руставели привез с собой наброски новой поэмы и приступил к выполнению обета, данного царице. Вскоре он закончил свое творение.

Поэму начали переписывать, поэму начали читать...

Появление «Витязя в тигровой шкуре» было встречено, как удар грома. Дворянство увидело в ней осквернение существующих устоев жизни; духовенство не замедлило признать в авторе «языческой поэмы» противника христианской церкви...

Тамар, первая поклонница его гения, долгое время не хотела видеть в Руставели политического противника, но это была девушка Тамар, слезы которой увидел Шота на охоте, Тамар, пославшая его в Афины... Царица же Тамар была вынуждена подчиниться воле князей и дворян, она должна была отвернуться от друга и своего поэта...

Всего только несколько лет пришлось прожить Руставели на родине. Он был вынужден покинуть Грузию.

Так был изгнан из Грузии философ и великий поэт, отважный муж и трубадур любви.

Шота ушел в Иерусалим и поселился там в Крестовом монастыре.

Но песни поэта находили путь к сердцам людей, и далеко разносилась слава о нем.

При дворе больше не произносилось его имя. Не читали его стихов. Духовенство преследовало его идеи. Никто не знает дальнейшую его жизнь, неизвестно, когда он умер. Летопись «Картлис цховреба» («Житие Грузии») хранила молчание о нем.

Здесь, в Крестовом монастыре, дожил опальный поэт до глубокой старости и, может быть, дождался того дня, когда сын царицы Тамар, Георгий-Лаша, выполнил завет матери похоронить ее в Иерусалиме, в Крестовом монастыре,— так предполагают некоторые историки.

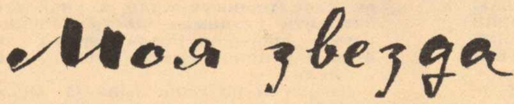
Фресковый портрет, найденный в храме монастыря, наконец приподнял завесу, столь долго скрывавшую тайну Руставели...

[1] Дарбазоба — приемы при дворе.

СЕРДЦЕ ОТДАНО ВАМ

Эдуард АСАДОВ

Наверно, так уж повелось от века,
В народе говорится иногда,
Что где-то есть порой у человека
Далекая, счастливая звезда.

А коль звезда по небу покатилась,
В глубокой тьме прочерчивая след,
То где-то, значит, жизнь остановилась
И что кого-то в мире больше нет.

Звезда моя! Прозрачно-голубая,
Всю жизнь воюя, споря и любя,
Как ты добра, я в точности не знаю,
Но с детских лет я верую в тебя.

Когда мне было радостно до боли
При свете милых удивленных глаз,
И в час, когда читал я в нашей школе
На выпускном стихи в последний раз,

И в час, когда шагал я с аттестатом
В лучах надежды утренней Москвой,
Когда я был счастливым и крылатым,
Ты в полный жар сияла надо мной!

И в дни, когда под грохот эшелонов,
Под пенье пуль, навстречу воронью
Я шел без сна в шинели и погонах
Сквозь сто смертей за Родину мою,
Когда я стыл под вьюгой ледяною,
Когда от жажды мучился в пути,
И в тихий час, и в самом пекле боя
Я знал, что ты мне светишь впереди.

Но так уж в мире, кажется, бывает,
Что дальняя счастливая звезда
Не всякий раз приветливо мигает
И полным жаром блещет не всегда...

И в том бою, когда земля горела
И Севастополь затянула мгла,
Ты, видимо, меня не разглядела
И уберечь от горя не смогла.

И вот, когда дыханье пропадает,
Уходят силы, а сознанье — дым,
Тогда для смерти время наступает;
И смерть пришла за сердцем за моим.
Да не сумела, не остановила.
То ль потому, что молодость жила,
Иль потому, что комсомольским было,
Но только зря старуха прождала!

Звезда моя! Я вовсе не стараюсь
Всего добиться даром, без труда.
Я снова сам работаю, сражаюсь,
И все же ты свети хоть иногда...

Ведь как порою нелегко бывает,
Когда несутся стрелы мне вослед
И недруги бранят не умолкая;
Тогда сижу, курю я и не знаю,
Горишь ты надо мною или нет!
А впрочем, что мне недруги и стрелы!
Звезда моя! Горячая звезда!
Да, ты горишь! А если б не горела,
Я не достиг бы счастья никогда!

А я достиг... Чего мне прибедняться!
Я знаю цель. Тверды мои шаги.
И я умею даже там смеяться,
Где слабый духом выл бы от тоски!
Звезда моя! Ты тоже не сдаешься,
Как я, таким же пламенем горя!
И в час, когда ты, вздрогнув, оборвешься,
Не скажут нам, что мы горели зря!

И я мечтаю вопреки примете:
Когда судьба нас вычеркнет навек,
Пусть в этот миг родится на планете
Какой-нибудь счастливый человек!

Строгие стражи

В сто раз красноречивее речей,
Пожалуй, были и сердца и руки,
Когда мы, сидя в комнате твоей,
Старались грызть гранит сухой науки.

Мигал тысячеглазый небосвод,
Чернел рояль торжественно и хмуро,
И маленький зеленый Дон Кихот
По-дружески кивал нам с абажура...

К плечу плечо... Мы чуть не пели даже!
В груди у нас гремели соловьи!
Но стерегли нас бдительные стражи —
Неспящие родители твои.

Сначала мать — улыбка и вниманье —
Входила вдруг как будто невзначай
То взять с окна забытое вязанье,
То в сотый раз нам предлагая чай.

Потом отец в пижаме из сатина,

Прищурив хитроватые зрачки,
Здесь неизвестно по какой причине
Всегда искал то книгу, то очки.

Следя за всем в четыре строгих глаза,
В четыре уха слушали они,
Чтоб не было какой ненужной фразы
Иль поцелуя, боже сохрани!

Так день за днем недремлющие судьи
Нас охраняли от возможных бед,
Как будто мы не молодые люди,
А малыши одиннадцати лет!

Им верилось, что трепетное пламя
Притушит ветер хитроумных мер
И что на всякий случай между нами
Пускай незримо высится барьер.

Удар часов за стенкой возвещал,
Что как-никак, а расставаться надо!
И вот я вниз по лестнице бежал
Под тем же строго-неусыпным взглядом.

И, заперев владение свое,
Они, вздохнув, спокойно засыпали,
Уверенные в том, что знают все,
Хоть, между прочим, ничего не знали!..

Я с вами всегда, товарищи

Гремят барабаны задорно,
Солнца лучи горят,
На галстуках и на горнах
Песню несет отряд.

В раскрытые окна дома
Врывается звонкий хор.
Мне с детства песня знакома,
Горячая, как костер!
И вот я кричу вдоль сквера,
Ладони сложив трубой:
— Детство мое! Пионеры!
Возьмите меня с собой!

Ребята мне машут руками,
Весело что-то кричат.
Над кленами и домами
Песню несет отряд.

И, стоя в окне раскрытом,
Я вижу в дальней дали,
Как строго и деловито
Уходят в рейс корабли.

А вон в духоте ковыльной
В строю, по четыре в ряд,
Устало дорогой пыльной
Идет батальон солдат.

Пройдя сквозь смерть и лишенья,
Исполнят любой приказ.
Ни робости, ни сомненья
В молчанье спокойных глаз.

И я был таким когда-то,
И нет мне судьбы иной!
Юность моя! Солдаты!
Возьмите меня с собой!

Грохочут шагами четкими.
Услышали или нет?
Но вот мне машут пилотками,
И песня гремит в ответ!

Как кадры из киноленты,
Картины мелькают, и вот
Я вижу сейчас, как студенты
В далекий идут поход.

Рюкзак — небольшая весомость:
Консервы, хлеб да мечта.
Парни — одна ученость!
Девчата — сплошь красота!

Пройдут от Чукотки до Крыма,
Светлые, как рассвет.
И целей недостижимых
Для них на планете нет!

И я робинзонам Арктики
Кричу в рассвет голубой:
— Песня моя! Романтики!
Возьмите меня с собой!

Голос слегка срывается.
Услышали или нет?
Но вижу: они улыбаются
И хором кричат:— Привет!

— Мне лишних удобств не надо.
Берите меня, друзья!
И слышу в ответ:— Мы рады,
Но все обойти нельзя!

И ты не один — ты с нами!
Но сколько б ты ни шагал,
Сейчас ты нужней стихами.
Письма наши читал?

Пиши о солдатской службе,
Пиши с огоньком в крови
О настоящей дружбе,
О счастье и о любви.

Трепетом сердце полни.
Живи для людей и стихов.
Друзей постоянно помни
И плюй на своих врагов!

С мещанством и злою гнилью
В яростной будь борьбе.
А если ослабнут силы,
Мы разом придем к тебе!

В зенит салютуют молодо
Клены и фонари.
Утро несет по городу
Шелковый флаг зари.

И сквозь золотое пожарище
Я слышу шум голосов.
— Будь счастлив!— кричат товарищи.—
Горячих тебе стихов!
Друзьям, робинзонам Арктики:
— Спасибо!— кричу в ответ.—
— От звезд до глубин Атлантики
Я с вами душой, романтики!
Открытий вам и побед!

Первая в мире

На пожелтевшей групповой фотографии, висящей в одном из залов Государственного исторического музея, среди бородатых мужчин — маленькая, гладко причесанная молодая женщина с высоким, крутым лбом. Это Анна Федоровна Волкова. Она сидит в центре, рядом с Д. И. Менделеевым. Под фотографией подпись: «Киев, 1871 год. 3-й съезд Российских естествоиспытателей и врачей. Химическая секция».

Волкова была избрана на киевском съезде председателем химической секции. Многие участники съезда — ученые с мировым именем: И. М. Сеченов, Д. И. Менделеев, Н. В. Склифосовский, В. В. Марковников, Н. Н. Бекетов, Н. Н. Зинин, А. П. Бородин. Анна Федоровна — первая женщина, опубликовавшая научные работы по химии, первая в России и первая в мире.

Ученица профессора химии и сельского хозяйства, известного просветителя А. Н. Энгельгардта, автора цитированных В. И. Лениным «Писем из деревни», сотрудница Д. И. Менделеева на публичных женских курсах в Петербурге, она вступила в Русское химическое общество со времени его возникновения, в 1868 году. Зарабатывая на жизнь частными уроками, она отдает все силы и время науке и становится автором нескольких оригинальных сообщений и статей в «Журнале Русского химического общества». В результате упорных экспериментов Волкова получает сахарин и важную составную часть пластификатора, столь прославленной ныне пластмассы — паратрикрезолфосфат. На съезде Волкову выбирают председателем химической секции, и эту должность единственная женщина-химик занимает вслед за Н. Н. Зининым и Д. И. Менделеевым.

Через пять лет после первого выступления в печати с интересными и значительными исследованиями Волкова умерла, ее редкое научное дарование не успело полностью раскрыться.

Пять сжатых, логичных статей в «Журнале Русского химического общества» она оставила после себя. За формулами и изложением химических реакций скрываются ум, воля, энергия и талант. Сколько мыслей, волнения, литературных ассоциаций вызывает необыкновенный и забытый образ ученой! Тут и идеи первых народников, разрыв с богатой дворянской семьей, диспуты на передвижных выставках, борьба русской женщины за свободу личности, неодолимая тяга к образованию.

Н. РАБКИНА,
научный сотрудник Государственного исторического музея

6:0!..

Сборная СССР по футболу завершила экзамены на своем поле. В третьем отборочном матче она одержала убедительную победу над прошлогодним полуфиналистом кубка Европы — национальной командой Дании. Счет — 6 : 0!

Игроки сборной СССР уверенно использовали свое преимущество в скорости, в умении находить уязвимые места соперника. Защита датчан дрогнула после первых же фланговых атак, а к концу матча была полностью деморализована.

Лучшими на поле были М. Месхи, Г. Хусаинов, С. Метревели, В. Воронин и В. Баркая.

Итак, сборная СССР получила 6 очков в трех отборочных играх и стала лидером в своей группе. Но успокаиваться, как считает старший тренер Н. Морозов, нельзя. Еще не завершена работа по комплектованию самого боевого состава команды, небезупречна игра защиты.

Теперь 3 октября в Афинах сборная СССР повторно скрестит свое оружие с командой Греции. И если этот матч принесет нам два победных очка, то мы уже сможем сказать: «Здравствуй, Лондон!»

МОБИЛИЗОВАННЫЕ ПОЭЗИЕЙ

Идея создать Театр поэта просто не могла не возникнуть у поэта-путешественника Виктора Урина, пока колесил он по всей стране.

Как-то в январе нынешнего года на московской квартире Виктора Аркадьевича (в недолгий «оседлый» период) возник первый дружеский разговор о поэтическом театре — вот, мол, было бы здорово!..

А 10 апреля в 7.30 вечера этот театр уже показывал свою первую программу на сцене Дома культуры завода «Каучук».

Участники Театра поэта на репетиции.
Фото М. Савина.

В эту программу Виктор Урин включил цикл стихотворений «О времени и о нас». С первых же шагов новорожденного Театра поэта заглавная роль в его спектаклях отводится поэзии. Она рассказывает, она вспоминает и напоминает, она мечтает и беседует, она требует, протестует, прославляет. Ей часто вторит музыка. А декорации, щиты с рисунками, каждый предмет реквизита приходят на сцену, словно материальные иллюстрации к стихотворному сборнику-спектаклю.

Так родился в Москве, на Плющихе, Театр поэта. Все у него есть, что положено уважающему себя театру,— артисты, художественный руководитель, режиссер, завлит, звукооператор, даже киномеханик. Есть и эмблема — маска и лира.

Пожалуй, самым трудным, но и самым жизненно необходимым было для нового театра обрести дом. И директор Дома культуры «Каучука» Виктор Владимирович Новосильцев поверил. «Начинание интересное,— сказал он,— да и помощники вам у нас на заводе найдутся».

Вот они: инструктор подготовительного цеха, депутат районного Совета Анатолий Игумнов — певец и декламатор; контролер прессформ, комсомолка Татьяна Федорова — хористка и артистка пантомимы; штукатур Виктор Батуров — певец. Слесари Валентин Андреев, Александр Африканов, Анатолий Шульгин — певцы, мимы, чтецы, декораторы, рабочие сцены, электроосветители... Однако не одни каучуковцы в труппе нового театра. Есть в ней и профессиональные артисты — Борис Моргунов, Владимир Мащенко, Андрей Першин, композиторы-профессионалы и настоящие художники. Театр работает без дотаций и фондов, на общественных началах. Никому здесь зарплаты не платят. Плата за труд — большое душевное удовлетворение.

Приходят в новый театр читать стихи поэты. В спектакле «Народ, армия и поэты» принимали участие Маргарита Алигер, Константин Симонов, Николай Грибачев, Михаил Луконин, Алексей Сурков.

Недавно состоялась премьера третьего поэтического представления — «Книга любви» Василия Федорова в постановке Е. Достоевской.

Э. ПОПОВА

Во время гастролей в Софии.

ТЕАТР ОТКРЫВАЕТ ДРУЗЕЙ

Недавно с большим успехом закончились гастроли Академического театра имени Моссовета в Париже и Болгарии. Мы попросили Ю. А. Завадского поделиться впечатлениями о поездке.

...Это было в Париже, на заключительном спектакле в Театре Наций. Почти весь коллектив наш вышел на сцену. Парижане аплодировали стоя. В зале находились совершенно незнакомые нам люди, но в эту минуту это были наши друзья. Какая же чудесная сила единения людей заложена в искусстве!

Парижане издавна считают себя законодателями театрального искусства. Они не любят присоединяться к чьему-то мнению, с предубеждением

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие друзья!

Редакция получает много ваших писем с оценкой отдельных номеров журнала. Но сейчас нам хотелось бы обсудить вместе с вами нашу работу в первом полугодии 1965 года.

Приглашаем вас, дорогие читатели, на всесоюзную огоньковскую летучку и просим высказаться:

что вам понравилось в журналах полугодия;

что, по вашему мнению, мы упустили в работе, о чем бы вы хотели прочитать. что увидеть в «Огоньке».

Ждем ваших отзывов, пожеланий, предложений.

После выступления «Огонька»

«Трудные первые шаги»

Так назывался отчет о заседании Общественного Телевизионного Совета («Огонек» № 21 за 1965 год), в котором говорилось о неполадках в снабжении материалами и комплектующими изделиями заводов-сборщиков унифицированных телевизоров.

Из Совета Народного Хозяйства СССР — заместитель начальника Управления радиоэлектронной промышленности А. Кривчанский и заместитель начальника Управления электронной промышленности С. Плахотник — нам пишут:

«Телевизионным заводом дополнительно выделены ударопрочный полистирол, сополимер МСН, строганая фанера ценных пород дерева. Созданы необходимые мощности для полного удовлетворения выпуска телевизоров «УНТ-35» сферическими защитными стеклами.

Однако имеются трудности в освоении и серийном выпуске некоторых радиоэлементов к телевизорам «УНТ-47» и «УНТ-59». Это касается прежде всего кинескопов и электролитических конденсаторов. Отсутствие достаточных мощностей по выпуску кинескопов ограничит выпуск этих телевизоров и в 1966 году».

Как же возникли эти трудности? 21 ноября 1964 года был утвержден план выпуска телевизоров на 1965 год. В этом плане было завышено количество телевизоров с большими кинескопами. В результате между программами производства телевизоров и кинескопов к ним образовался разрыв. Министерство радиопромышленности СССР пытается этот разрыв ликвидировать: вместо самых больших приемников «УНТ-59» выпускать в этом и даже в следующем

относятся к рекламе. Я уже не говорю о взыскательности. В театр они ходят с текстом пьес.

За время летних месяцев в Театре Наций показывают свои спектакли театры 10—20 стран мира.

Начинали мы гастроли пьесой В. Розова «В дороге».

Советская пьеса вызвала несомненный интерес. Режиссура И. Анисимовой-Вульф была оценена как удивительно точная и изобретательная. Выдающимся можно было считать успех молодого актера Г. Бортникова. Газеты писали, что своей пластикой, внутренним обаянием он напомнил Жерара Филипа.

После спектакля «Дядюшкин сон», в котором участвовали В. Марецкая, К. Михайлов, С. Бирман, В. Талызина и другие, стали говорить о том, что театр привез «нового» Достоевского. Но именно на это мы и рассчитывали. Нам хотелось доказать, что замечательный русский писатель гораздо многограннее, богаче и шире, чем иной раз считают.

«Маскарад» Лермонтова был встречен настороженно. Но постепенно в зале становилось теплее — зрители почувствовали правду человеческих страстей.

На прощание французы говорили нам: «Мы открыли для себя новый театр: «Мос-совет»!»

В Болгарию мы ехали к старым, добрым друзьям. Двенадцать лет назад наш коллектив был на гастролях в Софии и других городах этой гостеприимной страны, и дружба росла все эти годы.

Мы показали в Болгарии «Виндзорских проказниц» Шекспира, «Маскарад», «Ленинградский проспект» Штока, «Василия Теркина» Твардовского. Можно рассказывать об успехе отдельных пьес и исполнителей — Н. Мордвинова, О. Анофриева, который играл Теркина, можно привести многочисленные высказывания критиков, но мне хочется сказать о другом: нам радостно думать, что за это короткое летнее время наш театр внес и свою лепту в большое дело сближения человеческих сердец.

году «УНТ-47» и... старые телевизоры «Рубин-102», «Волхов», «Неман». Такая замена, не очень устраивающая покупателей, сейчас, видимо, единственно возможная.

Тревожит еще и другое. Будут ли обеспечены кинескопами телеателье?

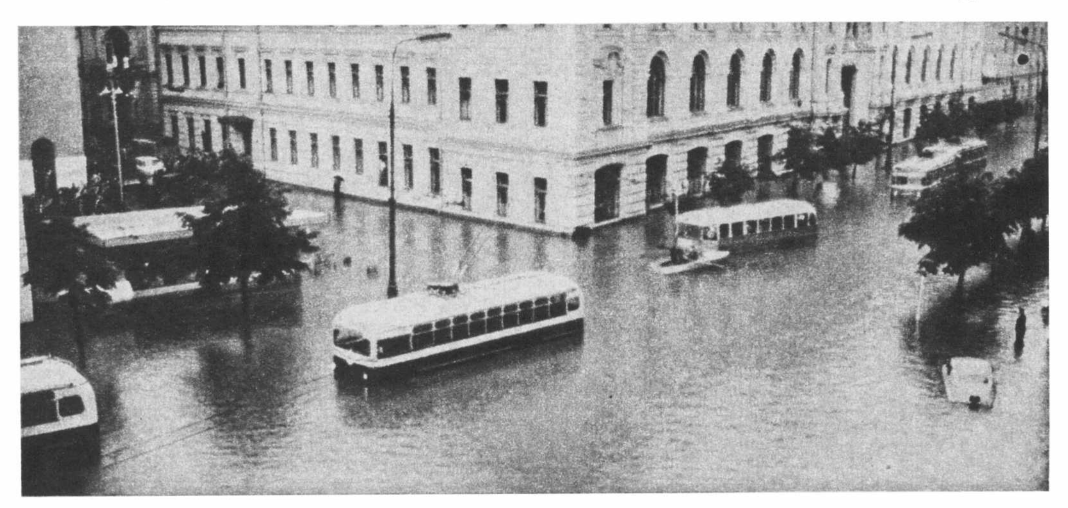
Кроме кинескопов, имеются и другие «больные места». Это совсем небольшие по сравнению с трубками узлы: электролитические конденсаторы, так называемые «электролитики» и переменные сопротивления «СП». Каковы же тут перспективы?

Заместитель министра электронной промышленности К. Л. Куракин сообщил нам следующее:

— На предприятиях развертываются дополнительные производственные мощности. Нам помогают сейчас и наши друзья из социалистических стран. Составляются реальные графики снабжения унифицированных телевизоров наиболее дефицитными деталями. Мы делаем все для того, чтобы план выпуска «УНТ-47» и «УНТ-59» в этом году был обеспечен.

ВПЛАВЬ ПО УЛИЦЕ

Фото Н. Рахманова и Ю. Скуратова.

25 июня в Москве несколько часов бушевал теплый ливень. К вечеру многие улицы белокаменной нашей столицы в низинных районах стали похожи на реки. Снимки, которые здесь публикуются, показывают, какой своеобразный характер приобрело уличное движение, превратившееся, можно сказать, в уличное течение.

Когда Неглинная улица сделалась вполне судоходной, пассажиров пересадили из троллейбусов в лодки.
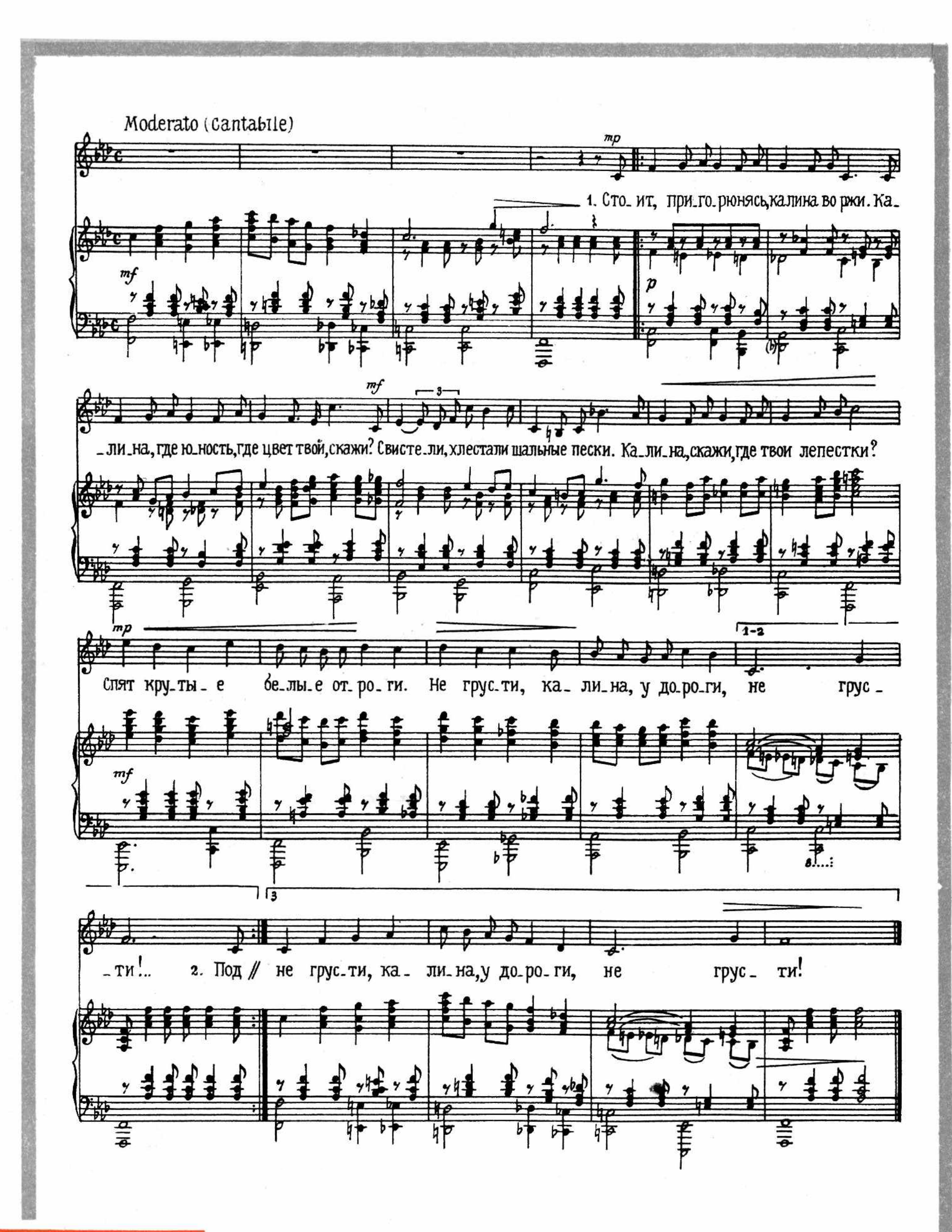

Мысль выбраться из затопленной машины понятна, но при чем здесь веник?

Предусмотрительный пешеход:

— Я же говорил: не зная броду, не суйся в воду.

Сандуновские бани вдруг очутились на берегу большого озера. Посетители бань охотно давали с берега советы тем, кто пребывал в воде.

Калина во ржи

Слова Владимира ФЕДОРОВА.

Музыка Александра БИЛАША.

(Песня Арины из кинофильма «Сумка, полная сердец»)

Стоит, пригорюнясь,
Калина во ржи.
Калина, где юность,
Где цвет твой, скажи?
Свистели, хлестали
Шальные пески.
Калина, скажи,
Где твои лепестки?

ПРИПЕВ:

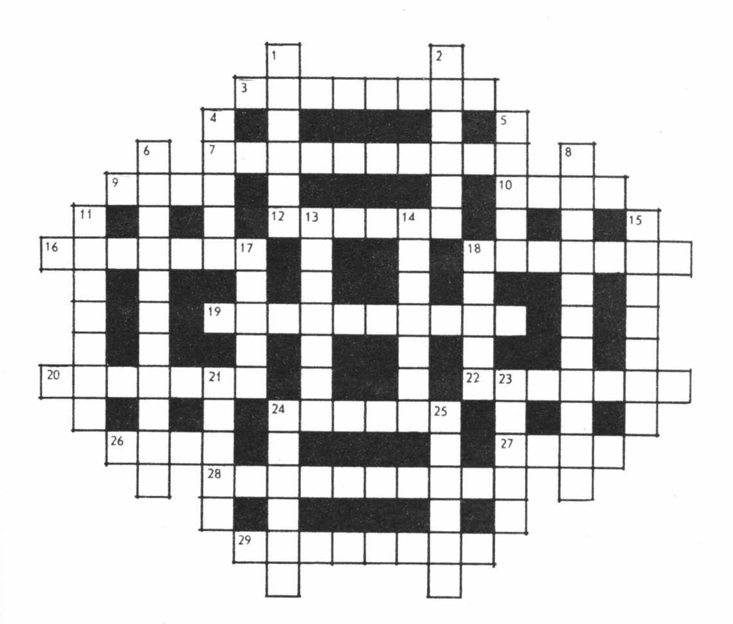
Спят крутые белые отроги.
Не грусти, калина у дороги.
Не грусти!..

Под белою кручей
Поют соловьи.
Что ж ты невезуча,
Калина, в любви?
Весеннюю ночью
И ей не до сна,
Весеннюю ночью
Калина одна.

ПРИПЕВ.

Нежданный, незваный
Ударил мороз,
И сердце калины
Сжималось до слез.
Мороз не остудит
В том сердце тепла.
А сердце вам, люди,
Она отдала.

ПРИПЕВ.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Преобразователь звуковых колебаний в электрические. 7. Съедобный гриб. 9. Денежная единица некоторых государств Латинской Америки. 10. Ящик для пчел. 12. Месяц года. 16. Вершина Главного Кавказского хребта. 18. Нарезка, узор по металлу. 19. Порт в Швеции. 20. Вид изобразительного искусства. 22. Речь, обращенная к самому себе или к зрителям. 24. Драгоценный камень. 26. Мера скорости движения судов. 27. Хищное животное. 28. Наука о числах. 29. Польский астроном.

По вертикали:

1. Приток Оки. 2. Складные очки с ручкой. 4. Рама для изготовления земляных литейных форм. 5. Морская рыба. 6. Превращение одной формы в другую. 8. Курорт на берегу Финского залива. 11. Грузинский музыкальный инструмент. 13. Город в Великобритании. 14. Тип тропической и субтропической растительности. 15. Русский писатель XIX века. 17. Плодовое дерево. 18. Рассказ А. П. Чехова. 21. Камчатский бобр. 23. Впадина на поверхности земли. 24. Артист Московского Художественного театра. 25. Радиоактивный изотоп водорода.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали:

5. Рыбинск. 9. «Торпедо». 10. Раствор. 11. Сазан. 12. Комната. 13. Цвейг. 14. Маврикий. 17. Гидрофон. 20. Силок. 22. Транзистор. 23. Андровская. 26. Олифа. 28. Ландшафт. 30. Метафора. 31. Эпоха. 33. Архимед. 34. Школа. 35. Маятник. 36. Чигорин. 37. Тоскана.

По вертикали:

1. Бродский. 2. Виолончель. 3. Акваланг. 4. Шопен. 6. Ситец. 7. «Кобзарь». 8. Корешок. 15. Антраша. 16. Калитва. 18. Доломит. 19. Олеандр. 20. Слово. 21. Канна. 24. Библиотека. 25. Адвокат. 27. Эфиопия. 29. «Травиата». 30. Мадригал. 32. Автор. 34. Шторм.

На первой странице обложки: Танец «Матрешки» исполняет Воронежский народный ансамбль песни и пляски профессионально-технических школ. На переднем плане — Вера Ковалевская.

Фото М. Савина.

На последней странице обложки: Боливия. На одной из площадей Ла-Паса стоит памятник Боливару. На нижнем снимке: Мать...

Фото С. Микояна.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02338. Подписано к печати 30/VI 1965 г.
Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 1670. Тираж 1 900 000. Изд. № 1144.

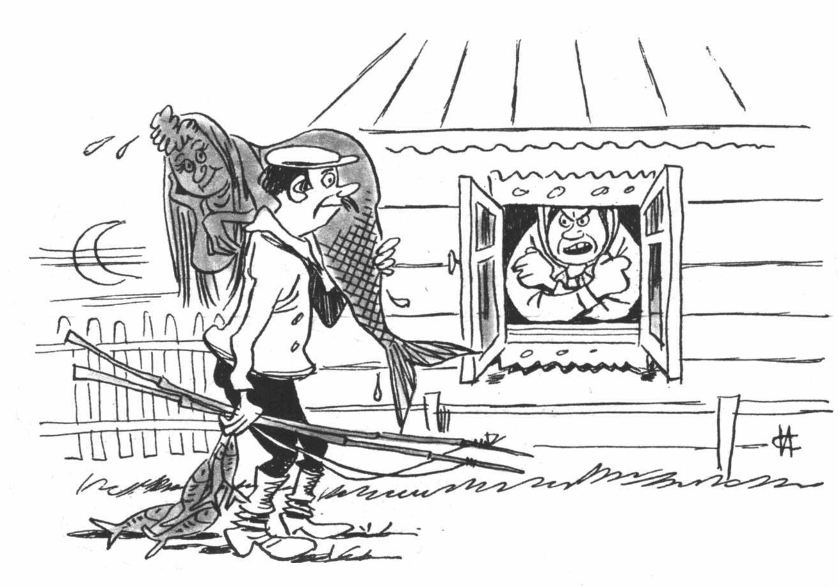
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Крайнее средство

— Или ты наконец начнешь есть кашу, или до свидания.

Рисунок В. Воеводина.

Возвращение с рыбалки.

Рисунок И. Сычева.

Музыкальная дуэль.

Рисунок Ю. Черепанова.

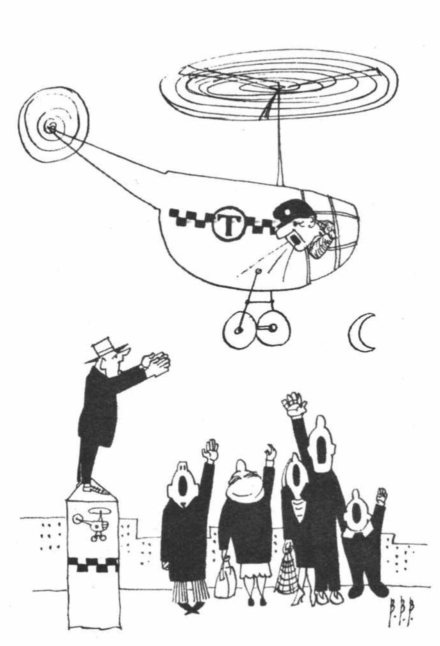
— Наш долг — создать в каждом дворе активную детскую футбольную команду.

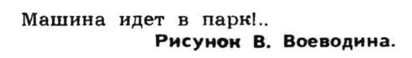
Рисунок В. Воеводина.

— Водопроводчик сказал, что мало заплатили, рассердился и ушел.

Рисунок В. Тамаева.

Машина идет в парк!..

Рисунок В. Воеводина.

В часовой мастерской.

Рисунок В. Черникова.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663